

Сергей Калабухин
Спасти Герострата

Сергей Калабухин

СПАСТИ ГЕРОСТРАТА

Рассказы

Издательский Дом
«СЕРЕБРО СЛОВ»
2013

УДК 821.161.1-3**Калабухин**
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

K17

ISBN 978-5-906438-61-4

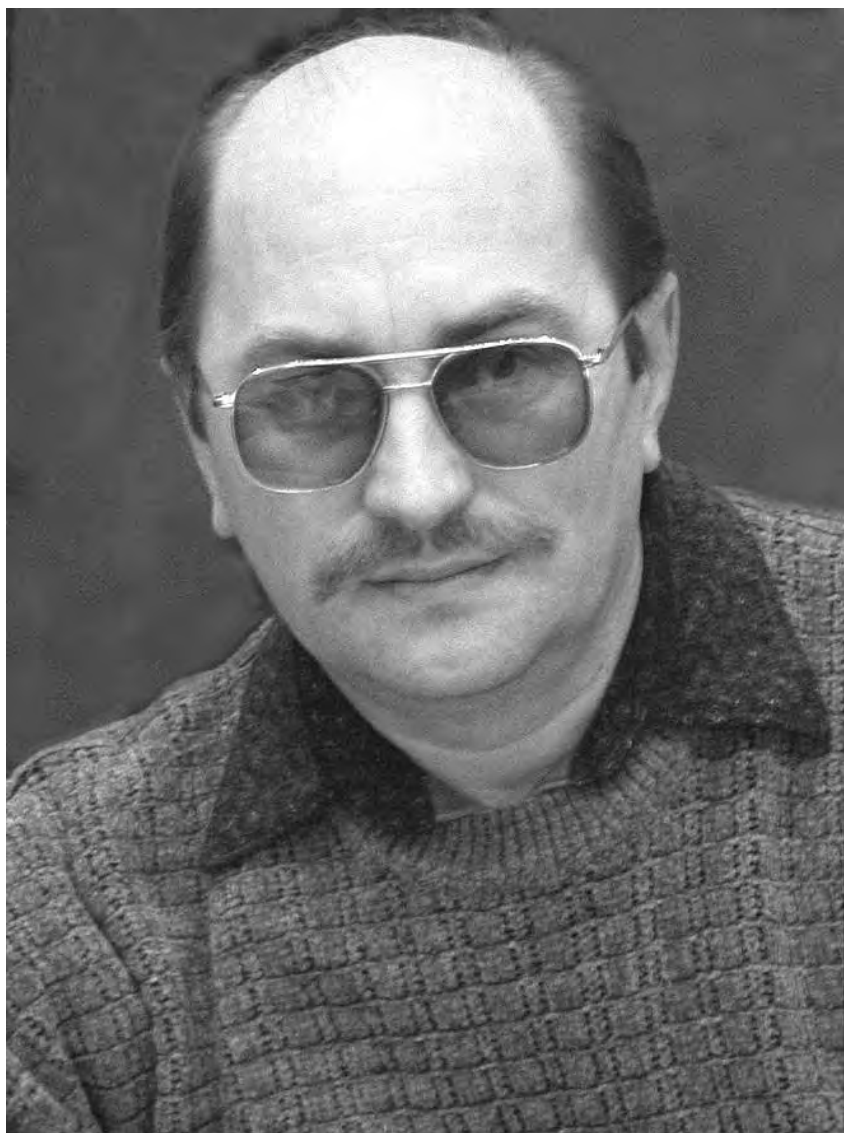
Сергей Владимирович Калабухин.
Спасти Герострата. *Рассказы* – Коломна,
Издательский Дом «Серебро Слов», 2013. – 64 с.: ил.

«Спасти Герострата» – первая книга, выпущенная по программе поддержки талантливых писателей «Восхождение», организованной ИД «Серебро Слов».

Автор благодарит Сергея Сергеевича Антипова за помощь в издании этой книги.

ISBN 978-5-906438-61-4

© Калабухин С.В., Коломна, 2013
© Ковалёва Н.В., обложка и иллюстрации, 2013
© Издательский Дом «Серебро Слов», 2013

Сергей Владимирович Калабухин родился и живёт в древнем русском городе Коломна.

Верный сторонник дефицитного ныне жанра – научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистичные рассказы и яркие публицистические статьи.

Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США, Финляндии и Франции. Автор трёх книг.

Дорогой читатель!

Вы держите в руках книгу замечательного автора – Сергея Калабухина! Когда я впервые прочитал рассказы Сергея, со мной случился довольно странный эпизод, чего давно не происходило в моей жизни. Дело вот в чём. Материал на рассмотрение на предмет публикации в нашем Издательском Доме «Серебро Слов» мне прислал по электронной почте директор – Денис Минаев. Был вечер, но я решил перед сном пробежаться хотя бы мельком по страницам пока незнакомого мне автора. Каково же было моё удивление, когда я «очнулся», закончив читать присланные рассказы, глубокой ночью! Сон как рукой сняло. В этот момент я понял, что мы нашли настоящего Мастера рассказов и его книгу просто необходимо издать. Как раз в эти дни решался вопрос, какого автора издать по специальной программе поддержки талантливых писателей «Восхождение» и я без колебаний отдал свой голос за книгу Сергея Калабухина. Нисколько меня не удивило, что и другие члены редакционного совета также проголосовали за Сергея. Поэтому это издание в какой-то степени уникальное для нашего Издательского Дома, ведь это первая книга, которая издаётся бесплатно для автора, благодаря его мастерству и таланту! Уверен, что вам, дорогой читатель, она понравится и окажется полезной. А ещё, я надеюсь, что вслед за этой книгой-пионером, наше издательство будет радовать всех новыми книгами ярких талантливых писателей, которыми так богата наша родная земля!

Сергей Антипов.

Член Правления Московской областной организации Союза писателей России, Руководитель Программы поддержки талантливых писателей «Восхождение».

Авария Сашки Сэкондхэнда

Надежды – сны бодрствующих.
Платон.

Осколок резца просвистел в сантиметре от Сашкиного уха, гулко ударил в металлический корпус пульта управления станком и отлетел куда-то под станину. Сашка испуганно хлопнул по красному грибу кнопки аварийного отключения станка, и жуткий скрежет суппорта, наезжающего на испорченную деталь, сменился умирающим гулом останавливающихся на свободном выбеге электродвигателей. На подгибающихся от пережитого страха ногах Сашка шагнул к тумбочке с инструментом и тяжело опёрся о неё.

От соседнего станка, смешно переваливаясь на коротких кри-вых ножках, подбежал встревоженный Витька:

– Что случилось, Санёк?

Сашка трясущимися руками пытался достать из пачки сигарету.

– Ты что, сдурел? – зашипел Витька, указывая другу на мастера, который, выскочив из конторки, уже спешил к ним по пролёту цеха, ловко огибая горки деталей и короба со стружкой. – Здесь же нельзя курить!

Сашка сунул пачку в карман и вытер бейсболкой с лица пот.

– Что тут у тебя? – взволнованно спросил мастер. – Запорол деталь?

– Станок сломался! – стуча зубами, ответил Сашка. – Резец полетел. Чуть бы левее, и прям мне в глаз...

– А ты куда смотрел? Вовремя остановить подачу не мог? Под статью меня подвести хочешь, Сэкондхенд недоделанный!

– Что ты на него орёшь, Михалыч? – встрял Витька. – Станок же всё на автомате делает. Сашка только детали меняет да кнопку «пуск» нажимает...

– А тебя кто спрашивает? – повернулся к Витьке мастер. – Ты лучше за своим станком смотри, защитничек.

Витька презрительно хмыкнул и неторопливо, в развалочку, пошёл к своей каруселке.

– Я не виноват, Михалыч, – обиженно прохрипел Сашка. – Работал, как всегда. Не знаю, что случилось, но суппорт вдруг полетел вперёд и на полной скорости врезался в деталь...

– Щас узнаем.

Они подошли к распахнутому настежь шкафу управления станком, в котором уже копошился неведь откуда взявшийся наладчик.

– Ну, что там? – спросил его мастер.

– Контакты у пускателя приварились, – ответил тот, складывая свои инструменты в сумку. – Видать, большой перегруз по току был.

– А чего ж защита не сработала? – удивился Михалыч.

– Да тут какая-то сволочь автомат закоротила, – сплюнул под ноги подошедшим слесарям наладчик.

– Ну, – рывкнул, повернувшись к ним мастер. – Кто из вас напортил?

– Я за механику отвечаю, – невозмутимо ответил толстый небритый коротышка неопределённого возраста. – Мне ваши автоматы по барабану! Это работа электриков.

– А я тут всего второй месяц работаю, – сказал молодой высокий парень. – К этому станку вообще первый раз подхожу.

– А брак мне на кого списывать? – не унимался мастер. – Не найдёте виновного, на всех электриков распишу.

– А чего сразу на нас-то? – возмутился электрик. – Вон и наладчик говорит, что большой перегруз был. Значит, автомат этот постоянно вышибало. Вот его и коротнули.

– Точно! – вспомнил Сашка. – Михалыч, ты ж сам на прошлой неделе орал электрикам: «Сделайте что-нибудь, что б станок работал. План горит!» Помнишь?

От подобного перевода стрелок Михалыч просто задохнулся и стоял, глотая воздух, как рыба, выброшенная на берег. Его седые усы странно подёргивались на морщинистом лице, перекошенном от незаслуженной обиды и ярости.

– Надо было неисправность искать и устранять, а не защиту отключать! – вмешался наладчик. – Хорошо ещё, что станочник цел остался...

– Мы, что ль, её искать должны? – огрызнулся в ответ электрик. – Сам же говоришь, что перегруз был. Значит, виновата механика!

– А ты на нас бочку не кати, – возмутился слесарь. – Молод ещё! Ты сначала докажи, что виновата механика. – Он повернулся к Михалычу. – У нас всё в порядке.

– У вас всегда всё в порядке, – хмуро процедил наладчик. – Ну что за порядки на этом заводе! Механики никогда ни за что не отвечают, а вот электрики обязаны всем доказывать свою невиновность.

– Вот и доказывай! – нагло ухмыльнулся ему в лицо слесарь.

– Тихо, тихо! – Вклинился между ними мастер. – Так какова сейчас ситуация? – обратился он к наладчику. – Когда станок за-работает?

– От вас зависит, – ответил тот. – Пусть электрик заменит пускатель и подключит, как положено, автомат. А механики должны устранить перегрузку.

– Какую перегрузку? – забухтел слесарь.

– Такую! – зло сказал наладчик. – На этом станке разомкнутая система смазки. У вас всё масло давно вытекло в поддон под станиной, и насос вместо смазки гонит воздух! – Он слегка пнул бак гидростанции, и тот ответил гулкой пустотой. – Если б вы согласно инструкции регулярно доливали сюда масло, мы бы сегодня здесь не собирались.

– Ну, что стоите? – заревел на слесарей Михалыч. – Действуйте!

Электрик побежал за новым пускателем, а механик, достав из кармана комок ветоши, стал протирать указатель уровня масла, упрямо не веря, что бак пуст.

– Михалыч, а мне-то что теперь делать? – спросил Сашка.

– Заголять и бегать! – народной мудростью ответил ему мастер. – Ну, а ты чего стоишь? – накинулся он на слесаря. – Заливай масло!

– Ишь, раскомандовался, – сплюнул тот. – У меня свой начальник есть. Иди, на него ори.

– Слушай, – с трудом сдерживаясь, понизил голос мастер. – Чего зря время-то терять: всё равно ж тебя пошлют...

– Я слесарь-ремонтник шестого разряда. С вёдрами бегать вокруг станков не буду. Вон у нас, в слесарке, три бездельника вторую неделю сидят, музыку через наушники слушают. Практиканты из училища. Вот пусть они и потрудятся. А если ко мне с этой ерундой приставать будете, я лучше в соседний цех перейду. Меня туда давно зовут.

– Нет, ты видел? – беспомощно указал наладчику на уходящего слесаря мастер. – Никто работать не хочет! Одному мне, что ли, план нужен?

– Какой план, Михалыч? – удивился Сашка. – Социализм и план уж лет двадцать как отменили.

– Ерунду не говори! – махнул рукой мастер. – Забыл, как прошлым летом весь завод на два месяца в отпуск за свой счёт отправили? А сейчас у нас заказы срочные появились. Вон он, наш план! – показал Михалыч на груды деталей у гудящих станков. – Теперь у людей и работа есть, и зарплата.

– Кстати, о зарплате, Михалыч, – встрепенулся Сашка. – Как мой простой оплачивать будут? Не по моей же вине станок сломался!

– Видал ухаря? – с горечью спросил мастер наладчика. – Не по его вине, вишь ты, брак и простой...

– А что? – оскорбился Сашка. – Он же сам сказал, что виноваты механики с электриками...

– Ишь, какой деловой! – недобро усмехнулся наладчик. – А ты куда смотрел? Для чего у тебя на пульте управления приборы стоят? Ты что, не видел, что ток нагрузки зашкаливает? А что манометр системы смазки на нуле, тебя тоже не волновало?

– А его одни девки волнуют! – приободрился Михалыч. – Он думает, что работа станочника – это детали менять да кнопки нажимать. Не работник, а сэкондхэнд какой-то...

От столь неожиданного отпора Сашка впал в ступор.

Наладчик взял свою сумку с инструментом и приборами, сказал мастеру:

– Я тут, в соседнем пролёте буду. Там строгальный чего-то барахлит. Зовите, когда всё исправите.

И ушёл.

– Вот так вот, Сэкондхэнд! – ехидно пропел в лицо Сашке Михалыч.

Кличка была глупой, детской, но каким-то путём проползла за Сашкой на завод. Родители его когда-то занимались этим бизнесом. Сашка и сам щеголял тогда в тряпках из тюков секондхэнда, и всех своих друзей и знакомых снабжал по дешёвке заграничным шмотьём. Родители смотрели на это сквозь пальцы. Они с гордостью говорили окружающим, что их сынок уже сам успешно зарабатывает себе на карманные расходы.

Потом была армия. А когда Сашка вернулся в Коломну, то узнал, что на его родителей наехали рэкетеры, те свернули свой бизнес, продали квартиру и переехали в деревню, где под руководством бабы Любы начали выращивать кроликов. Сашка не захотел менять город на деревню. Он прописался у бабы Кати, другой своей бабушки, городской. Искать постоянную работу бывший сержант-десантник не спешил: решил отдохнуть после армии. Летом он иногда подрабатывал грузчиком на рынке, зимой устраивался сборщиком мебели в магазин или охранником в супермаркет. Высокий, красивый, со спортивной фигурой и лёгким характером, почти всегда весёлый и не жадный парень моментально привлёк внимание окрестных девушек и бросился во все тяжкие. Вскоре бабушка умерла, оставив Сашке свою маленькую квартирку. Не стало её пенсии и сбережений. Случайные заработки не покрывали даже квартплату, и Сашка пошёл на завод. Здесь тоже было

полно незамужних девушек и разведённых женщин, и старая бабушкина софа, кряхтя, пропустила через себя хоровод самых разнообразных девиц. Но какое до всего этого дело Михалычу?

– Никуда не уходи, будь здесь, – мастер погрозил Сашке пальцем. – Сегодняшний план, кровь из носу, надо выполнить. Тогда и про испорченную деталь, может, никто не вспомнит...

И убежал искать механика цеха.

– Да пошли вы все!.. – всхлипнул вслед мастеру Сашка и потянул из кармана пачку сигарет...

Летом рабочие курили на улице: выходили из цеха в специально отведённый и оборудованный для этого недалеко от запасного выхода закуток. Здесь были пара урн, стол с лежащими на нём костяшками домино и грубо сколоченные из деревянных досок скамьи вокруг него. Рядом, на стене цеха висел красный противопожарный щит с инвентарём в виде лопаты, конусообразного ведра и огнетушителя. Под щитом стоял ящик с песком.

Сашка курил и бездумно смотрел на Москва-реку, нёсшую свои грязные воды в десятке метров от него. Когда-то, говорят, река была чище, и рабочие даже купались в ней в обеденный перерыв и ловили рыбу. Сейчас в метре от кромки воды стоял двухметровый забор из колючей проволоки. То ли защищал завод от гипотетических воров, могущих приплыть на лодке, то ли рабочих от опасных вод именитой реки. А, может, и от того, и от другого. Крутой берег зарос высоким репейником, редким кустарником и невысокими ивами.

Сашка бросил окуроч в ящик с песком и пошёл к реке. Июльское солнце пекло неимоверно. Расстелив рабочую куртку поверх высохшей пыльной травы, Сашка лёг в тени ивы. Надвинув на глаза старенькую бейсболку, откопанную им когда-то в тюке сэкондхэнда, он решил вздремнуть оставшийся до обеда часок. «Всё равно станок раньше не починят, – решил он. – Ну и сволочь этот Михалыч! И наладчик – гад. Приборы... Да кто на них смотрит?» Честно говоря, Сашка ничего не понимал в этих приборах. Что толку смотреть на них? Другое дело – Нинка-крановщица! Хороша, стерва! Грудь – номер четвёртый, не меньше. Задница, как круп у коня. Глазищи чёрные, наглые, как у цыганки. Как, однако, она его вчера продинамила...

Давно Сашку так не кидали девки. А ведь всё было, как обычно: кафе, танцы-обжиманцы, поцелуи, такси до дома. И вдруг, когда распалённый Сашка уложил Нинку на свою много повидавшую софу и решил приступить к завершающему туру «марлезонского

балета», девица ехидно захихикала и заявила, что ничего не выйдет. У неё сегодня типа критические дни! Ошеломлённый Сашка на миг потерял бдительность, Нинка змейёй выскользнула из его ослабевших рук и, хохоча, исчезла за дверью, благо жила, как оказалось, в соседнем дворе...

– Санёк, вот ты где спрятался! – раздался вдруг рядом голос Витьки. – А я тебя по всему цеху ищу.

– Зачем? – лениво поинтересовался Сашка. – Станок, что ль, починили?

– Куда там! – захохотал Витька. – Ты бы видел, как Михалыч с механиком сцепились. Орали на весь пролёт. Эти придурки – практиканты, с плеерами в ушах, вдвоём полчаса одно ведро с маслом к твоему станку несли. И всё равно чуть ли не половину расплескали!

– Чего ж ты меня тогда будишь?

– Так обед же уже! Пора в тошнилровку идти.

– Не может быть! – встал Сашка. – Я ж только прилөг...

– Счастливые часов не наблюдают, – заржал Витька. – Видать, ты вчера по крупному кое с кем прилөг. Признавайся, Нинка-крановщица всю ночь спать не давала? Она, говорят, баба ненасытная!

– Да пошёл ты! – буркнул, отряхивая поднятую куртку, Сашка. – Идём в столовку, пока все плюшки не разобрали...

Народу в столовой было немного. Кормили здесь невкусно и дорого, поэтому многие носили обеды из дома. Сашка с Витькой готовкой себя не утруждали, а потому вынуждены были ходить в заводскую столовую. Единственным вкусным блюдом здесь были свежие булочки. Сдобные, ещё горячие, румяные, обсыпанные сахарной пудрой. С пылу, с жару! Разбирали их моментально.

Взяв подносы, приятели встали в очередь.

– Смотри, Коса опять с тебя глаз не сводит! – толкнул друга в бок Витька.

Сашка в ответ раздражённо дёрнул плечом. Его ничуть не интересовала эта шмакодявка с толстой русой косой, недавно пришедшая в их цех после окончания школы. Она была, по мнению Сашки, слишком молода и невзрачна. Сашка предпочитал девиц опытных, ярких и без комплексов. Он знал, чего хочет от них. Они тоже это знали и принимали правила игры. Всё было быстро, легко и к обоюдному удовольствию. Никаких проблем и осложнений. Вчера – Анька, сегодня – Ленка, завтра – Нинка... Чёрт!

Ладно, с Нинкой вышла осечка, но всё равно эта зараза от него никуда не денется.

А что Сашке делать с этой вечно румяной несовершеннолетней школьницей? Она даже косметикой не пользуется! Ходит в каком-то дешёвом платъице, вместо причёски – дурацкая коса аж «по самое не хочу». Ну, кто сейчас носит косу? Наверняка и парня у неё никогда не было. Что ж теперь, вместо получения удовольствия Сашка должен всему учить эту недотёпу? Преодолевать её страхи и комплексы? Оно ему надо?

Словом, Сашке эта малолетка была совершенно неинтересна. Зато он её пленил с первого взгляда.

Как-то пару недель назад, Сашка, закатав рукава рабочей куртки, расстёгнутой на мускулистой груди чуть ли не до пупа, перекладывал с поддона груды поступивших к нему деталей поближе к станку. Вообще-то, делать это надо было с помощью небольшого тельфера, но Сашка, красуясь перед Нинкой-крановщицей, ожидающей освобождения поддона, решил поиграть мускулами. Не так уж и тяжела эта деталь – всего каких-то восемь кило! С этим тельфером одна морока и потеря времени: пока подцепишь крюком деталь, пока поднимешь. Потом надо переместить её и точно опустить в намеченное место, отцепить крюк... Деталей тех – десятка два, а Сашка на сделке: больше сделал – больше зарплата. Вручную и быстрее, и мускулы наливаются так, что ни в какой тренажёрный зал ходить не надо. Да и Нинка, наконец, обратила на него внимание. Свесилась из окна кабинки крана и с интересом наблюдает, как Сашка, внешне легко, хватает с поддона две детали сразу и перекладывает их на специальный деревянный настил у станка.

И вот как раз в этот самый момент Коса, как зовёт её Витька, шла по пролёту цеха, неся кому-то какую-то бумажку. Поддон перегородил проход, и девушке пришлось стоять и ждать, пока Сашка закончит перекладывать детали, и кран увезёт препятствие. Можно было, конечно, проскользнув между станками, перейти в соседний пролёт и продолжить путь, но Коса не могла отвести от Сашки зачарованного взгляда. А тот её даже не заметил.

С тех самых пор коровий взгляд этой девицы преследует Сашку повсюду. Особенно, в столовой. Она и ходит-то сюда только ради него, понял Сашка. Ничего не покупает, ест из стеклянной поллитровой банки какие-то супчики, пьёт что-то из термоса. И глаз с Сашки не сводит!

– Слышь, Санёк, – продолжает бубнить рядом Витька. – Будь мужиком, уважь девочку. Вишь, с ума по тебе сходит.

– Уважу, – угрюмо буркнул Сашка, заметив за одним из столиков хихикающую Нинку-крановщицу в компании подружек. – Прямо сегодня и уважу...

После работы Коса обычно провожала его до автовокзала. Просто от самой табельной шла сзади, не приближаясь и не обгоняя. А на вокзале стояла в сторонке и ждала, пока Сашка сядет в подошедший автобус, и тот, выпустив клубы чёрного вонючего дыма, отъедет от остановки. Из окна Сашка не раз видел, как, проводив взглядом его автобус, девушка, опустив голову, идёт в сторону трамвайной линии.

– Ну, давай, Санёк, дерзай! – хохотнул Витька, когда они миновали заводскую проходную. – Завтра расскажешь...

Сашка двинулся к автовокзалу. Толпа внесла его на железнодорожный мост, отпустила на привокзальной площади и начала быстро редеть, разливаясь людскими ручейками. Одни из них текли на электричку, автобус, маршрутку или трамвай, другие растекались по магазинам и продуктовым киоскам. Сашка резко встал и развернулся, чуть не столкнувшись со спешащей за ним девушкой. Коса тоже остановилась, робко взглянула ему в лицо и густо покраснела.

– Как тебя зовут? – спросил её Сашка.

– Маша, – тихо ответила та, держа перед собой, как щит, хозяйственную сумку.

– Чего ты хочешь от меня, Маша?

– Ничего.

– Тогда зачем за мной ходишь?

Она долго не отвечала, опустив глаза и покачивая в руках сумку, в которой звякали друг о друга термос и пустая поллитровая банка, закрытая белой пластиковой крышкой.

– Разве я Вам мешаю? – наконец послышался тихий голос, в котором эхом звучали слёзы.

– Не реви! – резко приказал Сашка.

Людской поток обтекал их, в нём мелькнули скалящийся в ухмылке Витька, строгий Михалыч, Нинка-крановщица со стайкой подружек...

– Иди за мной, – сквозь зубы прошипел Сашка и пошёл в сторону трамвайной остановки.

Он не оборачивался, и когда, перейдя шоссе, остановился перед трамваем, в двери которого ломились потные, разгорячённые люди, девушка была рядом.

– Тебе какой маршрут нужен? – спросил Сашка.

– Мне в другую сторону, – ответила она.

– Далеко? – Сашке не нравилась толпа на остановке. Он терпеть не мог давку. Его автобус приходил, когда основная масса заводчан уже уезжала на маршрутках и трамвае.

– Не очень.

– Тогда, может, пройдемся? Я тебя провожу...

Она молча перешла трамвайную линию и пошла по тротуару вдоль витрин и подъездов. Сумка теперь болталась у неё в левой руке, а правой девушка теребила переброшенную на грудь косу. Лучи солнца просветили тонкую материю её платица, и поспешивший за девушкой Сашка с удивлением отметил, что фигурка у той очень даже ничего! Кругленькая попка, осиная талия, ровные ножки. Да, ножки, а не палки! И грудь! Красивая высокая грудь, а не плоскогорье или отвисшее вымя. А глаза! Какие у неё глаза! Огромные, серо-зелёные, окаймлённые длинными пушистыми ресницами. Пухлые маленькие губки, яркие и влажные без какой-либо помады. Румянец так и не сошёл с её щёк. Тем более, что она заметила, как Сашка откровенно разглядывает её всю, с головы до пят.

– А ты, оказывается, миленькая, – признал он. – У тебя уже был парень?

Она отрицательно качнула головой.

– Мама не разрешала мне ни с кем встречаться, пока я не закончу школу. Потом надо было готовиться к институту. Мама хочет, чтобы я стала учительницей, как она.

– А ты? Что хочешь ты?

– Не знаю. Мама очень расстроилась, когда я провалилась в институт. Не прошла по конкурсу. А на платный факультет у нас денег нет.

– А отец что говорит?

– У меня нет отца. Только мама с бабушкой.

– Прямо, женский монастырь какой-то, – усмехнулся Сашка. – А у меня полный комплект. Бабушка вот только умерла три года назад. К счастью, успела мне отписать свою однокомнатную хрущобу.

– А я не представляю себе жизнь без бабушки, – вздохнула Маша. – Она мне ближе, чем мама. Это бабушка посоветовала мне пойти на завод. Мама хотела устроить меня в школьную библиотеку, чтоб я могла готовиться к поступлению в институт в следующем году. А бабушка сказала, что хороший учитель должен знать настоящую жизнь, а не по книжкам и кино. И любить должен уметь по-настоящему...

– Это точно! – гордо выпятил грудь Сашка. – Насчёт жизни, не знаю, но вот с любовью я тебе помогу. У тебя дома-то кто есть сейчас?

– Нет. Бабушка с мамой в огороде. Сегодня воду дают для полива. А что?

– Как это, что? Ты же хочешь узнать настоящую любовь, не книжную? Я тебя всему научу!

– А Вы, разве, знаете её?

– Кого?

– Настоящую любовь.

– Детка, не сомневайся! Перед тобой специалист. Ты, хоть, целовалась когда-нибудь?

– Так Вы только это называете любовью? – тихо сказала Маша.

– Не только. Поцелуи – это только начало, – хохотнул Сашка. – Самое интересное будет потом.

– Понятно, – протянула Маша грустно. – А почему Вы сегодня вдруг решили... заметили меня?

– Это не важно, – нахмурился Сашка, отгоняя образ хохочущей Нинки-крановщицы. – Радуйся, что я вообще тебя заметил. Ты посмотри на себя: в чём ты ходишь, как выглядишь? Три бабы в семье! Неужто никто не удосужился научить тебя наряжаться, пользоваться косметикой? А эта твоя коса! Ты в каком веке живёшь?

– Значит, если б я отрезала косу и завила кудри, накрасила глаза и губы, укоротила юбку и надела полупрозрачную блузку, Вы бы раньше меня... заметили? – грустно спросила Маша.

– Само собой! – твёрдо ответил Сашка. – Девушка должна быть яркой, как бабочка. Мышь потому и серая, чтоб её кот не замечал. Если у тебя денег на фирменные шмотки не хватает, сходи в сэкондхэнд. Простирнёшь, погладишь – никто и не поймёт, что бэу. Зато – вид будешь иметь! Тем более, фигурка у тебя, что надо. Отрежь эту дурацкую косу, сделай причёсочку, глазки подкрась. Я сделаю из тебя конфетку, вот увидишь!

– Вот Вы, значит, какой... – прошептала про себя Маша.

– Так я не понял, есть у вас дома спиртное? – не слушал её Сашка.

– Нет. А зачем?

– А закуска?

– Бабушка щи сварила. С мясом.

– Годится. Водку тебе рановато, пожалуй, – с сомнением взглянул на девушку Сашка. – Подожди меня здесь. Я сейчас забегу в этот магазинчик и куплю пузырь вина.

– Зачем?!

– Дорогуша, надо ж тебе расслабиться. У меня нет времени возиться с тобой до утра. Да и предки твои могут вернуться раньше, чем мы закончим урок. Всё, я побежал. Жди!

В магазине, как всегда по окончании рабочего дня, толпился заводской люд. Когда взмыленный Сашка, наконец, снова вырвался на улицу, Маши уже не было.

– Не дождалась, – неприятно поразился Сашка. – А я, дурак, даже адрес у неё не спросил...

Матерясь вполголоса, Сашка рысцой ринулся по тротуару, пытаясь разглядеть впереди знакомые платё и косу. Он на мгновение заскакивал в попутные магазинчики, расспрашивал сидящих у подъездов жилых домов старушек – девушка, как в воду канула.

– Вот блин! – разозлился Сашка. – Ну что за дела? Вчера Нинка кинула, сегодня – Машка...

Неожиданно солнце скрылось за невесть откуда взявшейся чёрной тучей. Где-то за домами сверкнула молния, загредел гром, звывла сигнализация припаркованных вдоль тротуара машин.

– Вот только дождя мне для полного счастья не хватало, – обречённо пробормотал Сашка и бросился к ближайшей трамвайной остановке.

Но «чёрная полоса» ещё не закончилась. Когда Сашка под первыми каплями с ходу впрыгивал в трамвайную дверь, пластиковый пакет с бутылкой вина и плиткой шоколада, болтающийся в его руке, глухо звякнул о поручень, и из него на фирменные сашки джинсы и кроссовки потекла красная жидкость.

– Одно к одному, – устало вздохнул незадачливый донжуан и под насмешливо-сочувственные взгляды пассажиров точно швырнул «кровоточащий» пакет со всем его содержимым сквозь уже начавшую закрываться дверь в урну на остановке.

Трамвай тронулся. Гром гредел всё чаще и сильнее. Но Сашке, наконец, повезло. Бодро стуча на стыках рельс, вагон оторвался от надвигающейся грозовой тучи и вырвался из влажной духоты в жар солнечных лучей. И вскоре Сашка, сухой, но унылый, вошёл в свою квартиру, воняющую ночным загулом с Нинкой-крановщицей.

Солнечная сторона, как оказалось, имела и свои недостатки. Летом приходилось занавешивать окна плотными шторами, чтобы зной с улицы и палящие лучи солнца не превратили комнату в парилку. Сашка раздвинул шторы и настежь распахнул окно, дав приток свежему воздуху. Дождя ещё не было, но гроза явно приближалась, и гром превратился в непрерывную барабанную

дробь. Сашка плеснул в стакан остатки вчерашней водки и рухнул на тахту...

– Эй, Санёк, вставай, – голос Витьки с трудом пробивался сквозь гром.

«Чёрт его принёс! – с раздражением подумал Сашка сквозь дрему. – И охота же шляться в такую грозу? Как он вошёл? Неужели, я не запер дверь?»

– Вставай же, соня, – не унимался Витька, тряся друга за плечо.

Сашка с трудом разлепил глаза. Он лежал под ивой, на откосе берега. Внизу, за колючкой забора плескались мутные воды Москва-реки. Рядом стоял Витька и, как обычно, лыбился во весь рот.

– Очухался? Я его по всему цеху ищу, а он на бережку дрыхнет!

Сашка очумело встал. Рядом с курилкой дебилы-практиканты, перевернув пустую бочку из-под машинного масла, самозабвенно колотили по днищу спёртыми из слесарки огромными гаечными ключами.

– И как ты только можешь спать при таком грохоте? – удивился Витька. – Видать, ты вчера кое с кем по крупному прилёг! Признавайся, Нинка-крановщица всю ночь спать не давала?

«Грозы не будет, – понял Сашка. – Это был сон». Он обрадовался: не было этой глупой соплячки, посмевавшей развести его, Сашку Сэкондхэнда, на пузырь дорогого вина и кинуть. Только Нинка, зараза, посмела это сделать вчера. Но с ней-то он ещё посчитается! А дурацкий сон, кроме него, никто не видел.

– Мой станок починили? – спросил Сашка.

– Куда там! – захохотал тот. – Ты бы видел, как Михалыч с механиком сцепились. Орала на весь пролёт. Эти придурки – практиканты, с плеерами в ушах, вдвоём полчаса одно ведро с маслом к твоему станку несли. И всё равно чуть ли не половину расплескали! А теперь, вон, развлекаются, – кивнул Витька в сторону ба-рабанщиков. – Обезьяны!

– Так чего ж ты меня будишь? – словно по сценарию, сорвалось с губ Сашки.

– Так обед же уже! – ожидаемо ответил Витька. – Пора в тошниковку идти.

«Де жа вю, – вспомнил Сашка сотню раз просмотренную комедию. – Вот только девушки с длинной русой косой в столовке не будет. Или будет?»

– Ты веришь в сны? – спросил он Витьку, поднимая и отряхивая куртку.

– Верю, – неожиданно серьёзно ответил тот. – Сны, брат, это

дело такое... Некоторые вообще считают, что во время сна душа человека попадает в параллельный мир. Там почти всё, как у нас. Но где-то в чём-то немного отличается. Или вот ещё бывают вещи сны. Мне однажды приснилось, что я бегаю по цеху и никак не могу сортир найти. Так на следующий день загремел в больницу с жутким поносом! Вирус какой-то, сказали, ртом поймал. Неделю продержали!

– Брехло ты! – засмеялся Сашка.

Он надел куртку, и приятели отправились в заводскую столовую.

Когда друзья вышли на центральную аллею завода, по обе стороны которой теснились корпуса цехов, их обогнала стайка пёстро одетых девушек. Они громко смеялись, крутили во все стороны коротко стриженными разноцветными головками и с откровенным интересом стрельнули густо накрашенными глазами в сторону Сашки.

– Практикантки, – восхищённо прищёлкнул языком Витька. – Отработали свои законные четыре часа и по домам! Эх, нам бы в цех хоть парочку таких...

– Зачем? – удивился Сашка. – Они ж ещё несовершеннолетние. Статью хочешь схлопотать?

– Какую статью? – не понял Витька.

– Уголовную, – покровительственно улыбнулся другу Сашка. – За развращение малолетних.

– Дурак ты, Санёк! – заржал Витька. – Там давно уже развращать некого.

И словно в подтверждение его слов, одна из девушек вдруг отстала от подружек и преградила путь Сашке.

– Привет! – сказала она, широко улыбаясь красными, как у вампира в фильмах ужаса, губами. – Я – Кристи, а тебя как зовут?

Сашка оторопел от неожиданности. Он стоял перед наглой пигалицей, вдыхая терпкую смесь пота, косметики и сигаретного дыма, густым облаком окутывающую девицу, рассматривал разноцветные пряди её сальных, давно невымытых волос, гроздьё едва замаскированных прыщей на щеках и не знал, рассмеяться ему или сразу послать юную соблазнительницу в далёкое эротическое путешествие по детородным органам.

– Сэкондхэнд его зовут, – спасая друга, ослабил Витька.

– Гонишь! – не поверила девица, переводя густо накрашенные опухшие глаза с Сашки на Витьку и обратно. – А на вид – первый сорт...

– Александр я, – бросив на друга кровожадный взгляд, ответил Сашка. – Чего надо?

– Алекс, значит, – «перевела» его имя девушка. – Приходи сегодня вечером в парк, к фонтану. Пивка попью, перепихнёмся по-быстрому за кустиками. Часикам к девяти подгребай.

Кристи смотрела на Сашку такими ясными и бесхитростными глазами, что тот машинально кивнул, прежде чем до него дошёл смысл сказанного ею. Просто Сашка не привык отказывать женщинам. Это был его принцип. И теперь он стоял и беспомощно глядел на уходящую вихляющей, под супермодель, походкой девушку.

– Эй, Кристи! – окликнул её Витька. – А мне можно придти?

– Парк не мой, – картинно дёрнула костлявым плечиком та. – Вход для всех свободный.

– Как ты это делаешь? – с завистью спросил Витька, провожая жадным взглядом пёструю стайку девушек, вновь двинувшуюся с нарочито громким смехом в сторону центральной проходной завода.

– Ты про что? – удивился Сашка.

– Вот про это самое! Почему Кристи тебя пригласила, а меня нет?

– Всё было на твоих глазах, – самодовольно пожал плечами Сашка. – Учись, пока я жив!

– Нет, Санёк, я серьёзно спрашиваю, – не отставал Витька.

– Да ты в зеркало на себя хоть когда-нибудь смотришь? – повернулся к другу Сашка. – Морда небритая, волосы, как стог соломы! А фигура? Тебе кило пять, как минимум, сбросить надо. Брюхо уже над ремнём морской волной нависает...

Друзья свернули к зданию столовой. Перед ним был небольшой скверик, в центре которого пылился полуразрушенный фонтан. Никто из нынешних заводчан никогда не видел его работающим. В тени гигантских тополей сидели на скамейках отдыхающие, жуя принесённые из дома бутерброды, и с тоской смотрели на статую девушки с кувшином в центре чаши фонтана. Полуденное солнце пекло невыносимо!

– Глянь, Санёк, и здесь фонтан! – заржал Витька. – А я его раньше как-то не замечал.

– Интересно, лилась ли когда-нибудь из этого кувшина вода? – сглотнул пересохшим горлом Сашка.

– При Сталине, небось, или при царе, – беззаботно ответил Витька. – Зато в парке бьёт всю!

Друзья подошли к бетонной чаше фонтана и посмотрели на заполняющий её мусор: окурки, сальные от пирожков бумажки, целлофановые пакеты, бутылки.

– Да-а-а... – задумчиво протянул Сашка. – А в парковом под водой на дне монетки блестят. Говорят, уборщики с окрестными пацанами из-за них по утрам чуть ли ни дерутся.

– Слышь, Санёк, – ткнул его в бок Витька. – Видал я, как ты снимаешь девок, но вот как девка снимает тебя, видел в первый раз. Сейчас, наверно, ни в одной школе уже девственников не осталось. В детском саду искать надо! А интересно вечером будет поглядеть, как эти малолетки умеют любить.

– Да уж... – хмыкнул Сашка, вспоминая наглую девицу, её острые, козы груди, ясно видимые сквозь полупрозрачную блузку, тощий плоский зад, чуть прикрытый облегающей миниюбочкой, порочный оценивающий взгляд. – Эти наверняка уже всё умеют. С первого класса, небось, любовью балуются...

Друзья, хохоча, покинули загаженный фонтан и двинулись ко входу в столовую. И тут перед мысленным взором Сашки неожиданно всплыло милое лицо Маши. Её чистые наивные глаза, казалось, взглянули в самую его душу. «А Вы знаете, какая она, настоящая любовь? – явственно услышал он печальный голос девушки из сна. – Так вот что Вы называете любовью...».

Сашка всё ещё улыбался, слушая трёп Витьки, когда на него вдруг нахлынула жуткая тоска. «Нет её, – окончательно и бесповоротно понял он. – Нет этой замечательной, чистой и красивой девушки». Он, дурак, злился во сне, что она его кинула. А на самом-то деле, это он сам себя кинул! Маша предложила ему любовь. Любовь! А он был готов только к сексу. Сашка всегда считал, что чувства, семья, дети – это потом, когда кончится молодость. А сейчас нужно жить на полную катушку, ни в чём себе не отказывая, без долгов и обязательств. И вот его, как распоследнюю дешёвку, сняла за банку пива малолетняя шлюшка! Да и пиво то, скорее всего, Сашка оплатит сам.

«Не зря меня зовут Сэкондхэндом, – с горечью подумал он. – Вся моя жизнь – сплошной сэкондхэнд. Я хожу в чужих обносках, сплю с бэушными девками. Даже когда мы с Витькой снимаем в клубе расфуфыренных тёлок, мы всё равно получаем сэкондхэнд, потому что этих девиц уже кто-то неоднократно пользовал до нас. И Нинка-крановщица – тоже сэкондхэнд. Сколько мужиков у неё было до меня? Почему я с таким упорством и постоянством добиваюсь чужих обносков и объедков? Почему так горжусь своим прозвищем? Почему, даже во сне, я отверг новое и чистое, сделав всё, чтобы немедленно окунуть Машу в грязь, уравнивать её с Нинкой-крановщицей? Мне от всей души предложили любовь, а я даже этого не понял! Стал готовить в ответ собачью случку...».

Сашка остановился в дверях столовой и замычал от боли и тоски.

– Что с тобой, Санёк? – встревожился Витька. – Живот схватило?

– Да пошёл ты! – с ненавистью к себе простонал Сашка. – Ничего у меня не болит, и в этом-то всё и дело...

С неожиданной ясностью он понял, что его жизнь сегодня дала трещину. Её прежняя часть, как тот никчёмный осколок резца, просвистела мимо, срикошетив о проклятый сон, и канула куда-то вниз, чуть не утянув его за собой на дно. А какой будет новая, он даже не представляет.

«Как же мне теперь выбираться из всего этого? – мысленно выль Сашка. – Кто поможет?»

– Странный ты сегодня какой-то, – примирительно пыхтел Витька, пропихивая друга в зал. – Может, на солнце перегрелся? Ничего, сейчас пару плюшек схаваешь, и всё пройдёт.

Они встали в очередь, и Сашка начал машинально накладывать на поднос тарелки с едой: гороховый суп, котлеты с картошкой, салат, рыбу под маринадом, сметану, компот из сухофруктов, чёрный хлеб и, конечно, плюшки.

– Смотри, – толкнул Витька локтём хмурого Сашку. – Вон твоя Нинка сидит. С ней Светка и Катька. Глянь, Санёк, она показывает в твою сторону, и все три ржут, как лошади. Да посмотри же!

Сашка сунул кассирше деньги, равнодушно кинул взгляд вглубь зала и замер. За столиком у окна спиной к нему в одиночестве сидела девушка. Синий рабочий халат скрывал под собой платье, но вот коса... Толстая русая коса свисала с головы незнакомки почти до пола.

– Кто это? – хрипло спросил Сашка.

– Где? – проследил его взгляд Витька. – У окна, что ль? Так это же внушка Михалыча! Провалилась в институт, вот он её к нам в цех кладовщицей и устроил. Пойдешь после обеда получать новый резец, познакомишься. Только я тебе не советую: она ещё зелёная совсем. Не то, что Кристи. Да и Михалыч в случае чего тебе голову оторвёт. А, может, и не только голову. Эй, Санёк, ты куда? Сдачу забыл!

Но Сашка, не отвечая, решительным шагом направился к столику у окна. Он осторожно поставил поднос и сел напротив удивлённой девушки.

– Здравствуй, Маша! – прерывающимся от непривычного волнения голосом сказал он. – Прости меня...

Её милое лицо зарделось, зелёные глаза засияли.

– Здравствуй, – тихо ответила она. – А я боялась, что ты теперь ко мне никогда не подойдёшь...

Спассти Герострата

– А вот и господин Петров! – резко сел в кровати загадочный пациент, с надеждой глядя на вошедшего в медотсек врача. – Вы узнали, наконец, кто я, и как здесь оказался?

– Пока нет, – спокойно ответил тот, с удивлением наблюдая, как Маша осторожно, но настойчиво укладывает больного назад и, низко склонившись над ним, заботливо поправляет подушку, что-то ласково бормоча при этом каким-то нежно-воркующим голосом. – Мы обнаружили в предплечье вашей правой руки вживлённый чип-паспорт устаревшей конструкции. Такими на Земле давно не пользуются. Поэтому нам с большим трудом удалось считать с него некоторые данные: имя – Котэ Горишвили, дата рождения – седьмое марта две тысячи сорок первого года, место рождения – Евразийский Союз, Грузия. Вспоминаете что-нибудь?

– Нет, – пожал плечами больной, благосклонно принимая ухаживания пухленькой симпатичной медсестры. – Я здесь уже почти неделю, а вы смогли узнать только имя?

– Мы на международной космической станции «Ю-1», расположенной на орбите Юпитера, – пожал покатыми, как у борца, плечами Петров. – Персонал нашей станции изучает атмосферу этой планеты, её огромные многолетние вихри и мощные грозы. Станции поменьше исследуют спутники гиганта: «Ю-2» занимается океанами Европы, «Ю-3» – Ганимедом, «Ю-4» – Каллисто, «Ю-5» – вулканами Ио. У нас у всех очень плотный график. Не думаете ли вы, что мы всё бросим и будем заниматься исключительно вашей персоной?

– Что же тут сложного? – удивился больной. – Пусть у меня с памятью проблемы, но у вас же должны быть всяческие компьютерные базы данных! Проверьте архивы Космофлота, мои отпечатки пальцев, ДНК, наконец...

– Базы и архивы, конечно, есть, – заметно раздражаясь, ответил Петров и сел на кровать в ногах больного. – Но они все на Земле. Здесь, до вашего появления, подобная информация была никому не нужна.

– У вас что, проблемы со связью? – вновь вскинулся больной.

– Вы, очевидно, плохо представляете себе сложившуюся ситуацию. – Петров бесцеремонным толчком своей короткопалой руки вернул больного на подушку.

– Осторожнее, – укоризненно вскрикнула медсестра, встревоженно склоняясь над пациентом.

– Маша, ты нам мешаешь, – отстранил её врач. Та возмущённо фыркнула.

– О какой ситуации вы толкуете? – прохрипел больной. – Неужели для вас наблюдение за какими-то вихрями в атмосфере Юпитера важнее найденного в космосе живого человека? Вы сообщили обо мне на Землю?

– Разумеется! – повысил голос в ответ и Петров. – Шифровка о том, что мы обнаружили на орбите Юпитера в криокамере неизвестной спасательной капсулы живого человека, то есть вас, ушла в Центр сразу же, как только вы очутились в этом медотсеке. Дальнейшее от нас никак не зависит, а Земля пока молчит. Видимо, группы крови и имени недостаточно для установления вашей личности. Центр – не Большой Брат, он имеет доступ только к архиву Космофлота и, наверное, к научным архивам стран-участниц проекта «Юпитер». Очевидно, вас в них пока не обнаружили. В криокамере спасательной капсулы вы были, как и положено, один. Разумеется, совершенно голый. Так что найденную рядом одежду мы можем смело считать вашей. К сожалению, на ней нет никаких меток. Обычный космофлотский комбинезон и нижнее бельё устаревших фасонов. Карманы пусты. Вы, действительно, ничего не помните? Имя «Котэ Горишвили» вам что-нибудь говорит?

– Ничего, – буркнул больной. – Но я что-то мало похож на грузина...

– Да, – согласился врач. – Вы – природный блондин с голубыми глазами. Однако, на Кавказе есть целые селения таких жителей. К подобному эффекту приводят многолетняя изоляция и множественные браки между родственниками.

– Вы хотите сказать, что я – выродец? – обиженно засопел больной.

Медсестра успокаивающе погладила его по руке.

– Маша, введи ему успокоительное, – распорядился врач. – Это сейчас полезнее для его нервов, чем твои материнские ласки.

– Коля! – ошеломлённо воскликнула медсестра, отскакивая от кровати пациента.

– Хамите, господин Петров, – заскрипел зубами больной.

– Что ж, пока нет иных данных, мы будем называть вас «Котэ Горишвили», – невозмутимо сказал врач. – Не возражаете?

– Нет, – взмахнул руками больной, – Это имя ничуть не хуже какого-нибудь «Джона Доу». И всё же мне не верится: неужели, вы не нашли в капсуле никаких указаний, с какого она корабля?

– Капсула довольно древняя, – задумчиво проговорил Пет-

ров. – Таких уже лет сто не выпускают. Память бортового компьютера почему-то пуста. Вам повезло, что управление криокамерой совершенно автономно. Судя по её таймеру, вы провели в глубокой заморозке около ста тридцати двух лет. Может, поэтому у вас проблемы с памятью? Хотя, раньше подобных эффектов вроде бы не наблюдалось. К амнезии может привести физическая или психическая травма мозга. Череп у вас цел, стало быть, физическое воздействие можно исключить. Остаётся психическое. Наверное, с вами случилось что-то настолько страшное, что мозг заблокировал опасные воспоминания, чтобы уберечь разум от сильного потрясения, связанного с ними. Тогда наша задача – получить эту информацию без вреда для вашего душевного здоровья.

Медсестра охнула и порывисто схватила больного за руку. Тот ободряюще улыбнулся ей.

– Есть ещё одна возможность: гипноз или самогипноз, – продолжил врач. – Всё же довольно странно: память компьютера явно стёрта, вы тоже ничего не помните...

– Коля! – укоризненно воскликнула медсестра. – Прекрати, наконец. Как ты можешь?

– Что? – с удивлением взглянул на неё врач.

– Вы меня в чём-то подозреваете, господин Петров? – возмутился Горишвили. – Или это – личное?

Он ласково взял руку сиделки и благодарно прижал её к своим губам, вызываясь глядя на врача. Та быстро высвободила руку и выбежала из медотсека.

– Личное? – вставая с кровати, бесстрастно спросил Петров. – Что вы имеете в виду?

– Машу, конечно! – самодовольно усмехнулся Горишвили, кивнув в сторону закрывшейся за сиделкой двери. – Я же вижу: вам не нравится, что она влюбилась в меня с первого взгляда. Ревнуете?

– Вы, наверно, моложе и красивей меня, – невозмутимо ответил врач. – Если верить данным вашего чип-паспорта и отбросить срок, проведённый в анабиозе, вам около тридцати лет. Мне – сорок пять. Ваши сто девяносто два сантиметра роста и спортивное телосложение явно выигрывают против моих ста семидесяти пяти и лишних десяти кило жира. Кроме того, мы с Машей знаем друг друга более двадцати лет, а ваше загадочное появление здесь уже неделю является темой разговоров всего персонала нашей станции. Так что, не обольщайтесь: нет ничего удивительного в столь явном и откровенном интересе к вам у Маши. И не надо искать в моих словах и поступках каких-то личных мотивов. Я не

только врач, но и командир экипажа МКС «Ю-1» и просто делаю свою работу: рассматриваю возможные варианты.

– Какие варианты? – злобно прошипел Горишвили. – Вы почему-то сразу невзлюбили меня, а теперь ещё и обвиняете чёрте в чём!

– Я вас ни в чём не обвиняю, – устало махнул рукой Петров и направился к двери.

– Я хочу сам осмотреть свою спасательную капсулу, – потребовал Горишвили. – Не может быть, чтобы там не было хоть какого-нибудь указания, с какого она корабля.

– Вы ещё слишком слабы.

– Я совершенно здоров! – закричал Горишвили, неуклюже вскакивая с кровати на дрожащие ноги. – Да, память отшибло, но физически...

– И физически вам ещё долго восстанавливаться, – возразил врач. – Ваши мышцы, конечно, не атрофировались, но всё же им нужно время на полное восстановление работоспособности после ста тридцати двух лет анабиоза.

– От того, что я лежу...

– Лежать вовсе не обязательно. У нас на станции есть прекрасный тренажёрный зал. Буквально, в двух шагах отсюда. Как выйдете, вторая дверь направо. А капсулу вам осматривать ни к чему. Её компьютер мёртв, вместо названия – серийный номер. В лучшем случае по нему на Земле установят, когда и где эта капсула изготовлена, и кто её приобрёл. Полтора века назад заказчиком и покупателем наверняка был Космофлот. На какой корабль её поставили, выяснить будет не так-то просто. Гораздо больше я надеюсь на ваши отпечатки пальцев и ДНК.

– Что ж мне теперь: просто качаться на тренажёрах и ждать у моря погоды? – сдаваясь, рухнул на кровать Горишвили.

– Восстанавливайте здоровье и силы. Память может в любой момент вернуться. А мы ей поможем.

– Как? – безнадёжно скривился больной.

– Есть у нас тут один интересный приборчик, – усмехнулся врач. – Мем-рекордер называется. Процедура совершенно безвредная. Обещаю: больно не будет.

Уже выходя, Петров неожиданно обернулся и, закрывая дверь, бросил в лицо наглого красавца:

– Кстати, о личном. Раз уж вы утверждаете, что чувствуете себя хорошо и готовы к физическим нагрузкам, сиделка вам больше не нужна.

...Котэ задыхался: система регенерации не справлялась с повышенным потреблением кислорода. Бластер раскалился и жёг руку. Жёсткие листья сельвы, свисавшие огромными лопухами с гибких ветвей, хлестали по прозрачному шлему скафандра.

Яростно вереща, гориллы бесновались в густой, почти непроницаемой для света кроне, которая, казалось, единым куполом покрывала всю сельву.

Сорвав шлем, Котэ отбросил его в сторону и, выпустив из бластера смертоносный луч в мелькнувшее над головой волосатое тело гориллы, бездумно побежал дальше. Казалось, он бежит уже целую вечность. Сердце гулко било по рёбрам, словно птица, впервые попавшая в клетку. Спёртый, насыщенный испарениями воздух разрывал лёгкие.

Крупный плод просвистел в воздухе и сбил Котэ с ног. Почти не целясь, космонавт срезал лучом бластера злобно оскалившуюся волосатую тушу и, вскочив, бросился дальше. Только усилием воли Котэ держался правильного направления. Он знает, стоит лишь немного расслабиться, и коварная сельва заманит его в глубь, и, как обезумевшее от страха животное, он будет бегать по кругу, сам не замечая этого. Пот заливает глаза, и стрелка компаса на руке затуманилась. Котэ попытался протереть глаза и громко чертыхнулся: раскалённый бластер ожёг лоб. Рану тут же заливал едкий пот, и она начинает пульсировать нестерпимой болью.

Котэ уже не чувствует ударов круглых мягких плодов, которыми бомбардируют бегущую жертву гориллы. Где-то глубоко, в самом дальнем участке мозга бьётся приказ: во что бы то ни стало вырваться из сельвы на равнину. Сейчас не важно, зачем. Лишь бы вырваться.

Сельва кончилась неожиданно. Яркий свет солнца ослепил Котэ, больно ударив по глазам. Направляющий огонёк приказа в мозгу погас, зажёгся другой. Котэ почувствовал себя машиной, выполняющей команды, одну за другой. Новый приказ – добратсья до катера.

Сзади нарастает рёв горилл. По земле они бегают плохо, но и человек уже почти выбился из сил. Сейчас Котэ волнует только одно: надолго ли хватит заряда бластера?

Впереди виднеется гряда небольших холмов. Высокая трава цепляется за ноги, словно помогая преследователям. Но нет, им на своих коротких руко-ногах бежать ещё труднее. Вот и вершина холма. С неё, всего в двухстах метрах впереди, посреди чернеющего круга выжженной пламенем дюз земли, Котэ увидел сверкающий в лучах солнца металл катера и тут же, с маху, ткнулся

лицом в жёсткую траву. Когда он вскочил, сердце в груди замерло. Холм был окружён толпой горилл. Рядом лежала узловатая дубина вожака стаи, видимо, брошенная тем ему в ноги. Сам вожак – здоровенная, уже немолодая обезьяна, быстро жестикулируя, бесновался среди толпы волосатых тел. Обезьяна ли? Скорее, «недостающее звено» в земной истории человечества. Уже не обезьяна, но ещё и не человек.

И тут Котэ пожалел, что выкинул шлем. В скафандре ему, может быть, удалось бы спасти свою жизнь. Прочную ткань гориллам не пробить заострёнными ветками, а шлем защитил бы от ударов голову. Хотя, долго ли бы он продержался в плену у аборигенов без пищи и воды? Убежать ещё раз из их поселения в сельве ему не дадут. Помощи ждать неоткуда. Он один на этой планете. Нет, сдаваться нельзя!

Котэ сбил лучом слишком близко подскочившую гориллу и, постоянно озираясь, отдыхал, восстанавливая силы. План его был прост: прорвать кольцо аборигенов, добраться до катера и немедленно стартовать к ожидающему его на орбите кораблю.

Внезапно, по знаку вожака, большая часть преследователей передвинулась и заняла позицию между холмом и катером. Вожак злобно скалил зубы, делая угрожающие жесты. Котэ понял, что совершил ошибку, не убив того сразу, как только увидел. Без вождя стая превратилась бы в неорганизованную толпу. Среди самцов немедленно началась бы борьба за власть, и всем стало бы не до убегающего чужака.

Гориллы тоже тяжело дышали. Они не привыкли бегать по равнине. По знаку вожака с десятков из них разбежались по сторонам в поисках камней. Котэ взял вожака на мушку. Но курок всего лишь сухо щёлкнул. Только теперь Котэ заметил, что индикатор заряда погас. Отбросив бесполезный бластер, космонавт одной рукой подхватил с земли корягу, а другой потянул из ножен десантный нож...

– Это всё, – сказал Петров, выключая плейер. – Далее пошли воспоминания, не относящиеся к его прошлому.

– Как это? – удивилась Маша. – Коля, что ты говоришь? Как может воспоминание не относиться к прошлому?

– Может, – хмуро ответил Петров. – И то, что мы с тобой сейчас видели, тоже вряд ли происходило на самом деле.

– Почему ты так думаешь?

– Память человека хранит не только то, что с ним произошло на самом деле, но и то, о чём он мечтал, что воображал, о чём чи-

тал или видел в кино, – Петров откинулся в кресле, подыскивая слова. – Память – это что-то вроде интернета, куда свалено всё без разбору: от детской считалки до жёсткой порнографии. На мой взгляд, не похож этот Горишвили на героя-десантника.

– Ты к нему несправедлив! – вспыхнула Маша. – Котэ – настоящий герой! Трус не отправился бы в полёт на маленькой неуправляемой капсуле. Сам же знаешь, мы обнаружили её совершенно случайно. Пройди наш разведзонд мимо капсулы на пару секунд раньше или позже, и она не попала бы в его объективы. И дальше Котэ ждало бы медленное, но неотвратимое падение на поверхность Юпитера...

– Не будем спорить, дорогая, – примирительно взмахнул рукой Николай. – Мы пока не знаем, что в действительности произошло с Горишвили, и как его спасательная капсула оказалась на орбите Юпитера.

– Я не понимаю, почему ты так к нему относишься? – продолжала возмущаться Маша. – Котэ рисковал жизнью! А ты ведёшь себя так, как будто он сам, специально, с какой-то непонятной преступной целью стёр все данные в компьютере, а заодно и собственную память.

– Успокойся! – не глядя на Машу, повысил голос и Николай. – Ни в чём я твоего «котика» не подозреваю. Я – врач, а не следователь. А вот любить и уважать мне его не за что. Я не падок на смазливую внешность, томные взгляды и сладкие речи.

– Что ты имеешь в виду? – покраснела Маша.

– Ты прекрасно всё поняла, – нервно забарабанил пальцами по столу Николай. – Не надо делать из меня рогатого дурачка.

– Ты... – вскочила с кресла Маша. – Ты... Как ты можешь так думать и говорить обо мне, твоей жене?!

– Как я могу? – сорвался и Петров. – Ты хотела знать, чем сменилась в памяти Горишвили сцена с гориллами? На, смотри!

Петров вновь включил плеер, и плоский экран дисплея преобразился в небольшое голографическое изображение медотсека.

– Машенька, – горячо шептал Горишвили, покрывая руку женщины страстными поцелуями. – Как я страдал без тебя. Я думал, что умру!

– Не преувеличивай, Котик, – смущённо улыбалась Маша. – Мы не виделись всего два дня.

– Всего? – пылко возмущился Горишвили. – Целых два дня! Мне пришлось «нечаянно» уронить гантелю себе на ногу, чтобы опять улечься в кровать и увидеть мою любимую сиделку.

– Очень болит? – встревожилась Маша. – Дай, я посмотрю...

– Ерунда! – отмахнулся Горишвили. – Ты пришла, и боль ушла. Иди же ко мне, любовь моя.

– Но, Котик, – вяло сопротивлялась Маша. – Сюда могут войти...

– Как мне нравится, когда ты меня так называешь, – жарко шептал Горишвили. – Запри дверь, скорее...

Петров выключил плеер.

– Достаточно? – спросил он, презрительно глядя на жену.

– Да, – растерянно сказала Маша. – Котэ мне нравится. Но я вовсе не изменяла тебе с ним. Ты сам сказал, что прибор не отделяет действительные события от мнимых. Этой сцены, что ты мне сейчас показал, не было! Может, Котэ просто мечтал, или увидел во сне...

– Или строил планы, – саркастически усмехнулся Николай.

– Коля, я тебе клянусь! – из глаз Маши потекли слёзы обиды.

– Я тебе верю, дорогая, – обнял жену Николай. – Не плачь. Этот негодяй не стоит твоих слёз.

– Ты опять?! – отшатнулась Маша. – Почему ты упорно называешь Котэ негодяем? В чём его преступление? В том, что я ему нравлюсь?

– Как, однако, ты его защищаешь! – раздражённо воскликнул Петров. – А твой ненаглядный Котик вместо того, чтобы заниматься на тренажёрах, опять улёгся в койку и требует сиделку. Герой!

Маша повернулась и, молча, вышла.

Услышав звук открывающейся двери, Горишвили снял ридер-очки и сел.

– Машенька! – радостно воскликнул он, увидев вошедшую медсестру. – Почему тебя так долго не было? Ещё немного, и я бы тут умер от одиночества и тоски.

– Всё шутишь, Котик, – машинально ответила Мария, подходя к постели пациента.

– Котик? – удивился Горишвили. – Это ты так моё имя переделала?

– Извини, – смутилась Мария. – Как твоя нога?

– Значит, мем-рекордер сработал, – ничуть не смущаясь, сказал Горишвили и взял Марию за руку. – Я очень рад, что ты теперь знаешь мои мечты и чувства.

– Оставь, Котэ, – сердито выдернула руку Мария. – Не время сейчас...

– А когда будет время? – надулся Горишвили. – Кто и как определяет этот момент? Машенька, я влюбился в тебя с первого взгляда!

– Я старше тебя на десять лет, – через силу улыбаясь, сказала Мария. – К тому же, может, у тебя дома осталась жена или невеста...

– Нет, это я старше тебя на сто двадцать лет! – засмеялся Горишвили. – Никто меня на Земле не ждёт: все мои возможные жёны и невесты давно умерли.

– А что, если у меня есть муж? – испытующе взглянула на него Мария.

– Я не помню своего прошлого, – пожал плечами Горишвили. – И твоего знать не хочу!

– Это не прошлое, а настоящее, – тихо ответила Мария. – Прошу тебя, Котэ, перестань говорить глупости и дай мне осмотреть твою ногу. Или я уйду.

– Хорошо, – откинулся на подушку Горишвили. – Не буду. Вот ведь женщина: я предлагаю ей руку и сердце, а она требует ногу!

– Хватит, Котэ! – сверкнула на него глазами Мария.

– Всё, всё, всё, – поднял руки Горишвили. – Сдаюсь. Машенька, называй меня Котиком, и я буду ласковым и послушным, как...

– Как кто? – улыбнулась Мария, начиная осмотр раненой ноги.

– Буду, как говорится, белым и пушистым, – засмеялся Горишвили. – Кстати, что ещё показал ваш чудо-прибор? Ну, кроме... ты понимаешь...

– Ничего определённого, – поспешила прервать его Мария. – Небольшой эпизод в каких-то джунглях. Николай даже сомневается в его достоверности. Может, это тоже только твои мечты...

– И кто там был со мной в этих джунглях, – заинтересовался Горишвили. – Блондинка или брюнетка?

– Стая рыжих горилл! – ехидно ответила Мария.

– Фу, какая гадость! – скривился Горишвили. – А почему я этого не помню? Я думал, ваш мем-рекордер разбудит мою память.

– Мозг – сложная штука, – вздохнула Мария. – А механизм памяти ещё сложнее. Представь, что ты вошёл в библиотеку, а в ней нет каталога, и на корешках книг отсутствуют их названия и имена авторов. Как ты там сможешь найти что-то определённое?

– Буду открывать все книги наугад.

– Вот и твоя память сейчас – такая библиотека. Ты – библиотекарь без каталога, а наш прибор – посетитель, наугад открывающий книги. Посетитель прочёл книгу, а не библиотекарь.

– Жа-а-аль, – протянул Горишвили. – Я-то думал, ваш мем-рекордер быстренько восстановит мой «каталог».

– Это – не лечебный прибор, – ответила Мария. – Он просто читает и записывает на кристалл память человека. Кроме врачей и

полицейских мем-рекордером пользуются художники, киношники, писатели, архитекторы, учёные и все, кому не лень.

– Но теперь-то, надеюсь, Петров поверил, что я ничего не скрываю от вас? – криво усмехнулся Горишвили.

– Конечно, Котик, – грустно улыбнулась в ответ Мария. – Так уж устроен человек. Если ему сказать: «Не думай о белой собаке!», то именно о ней он и начнёт постоянно думать. Ты знал, что мы ищем, но мем-рекордер записал совсем иное. Ну, мне пора...

– Уже бросаешь меня? – возмутился Горишвили.

– Мне надо работать...

– А я? – схватил её за руку Горишвили. – Что делать мне? Умирать здесь от тоски?

– У тебя есть ридер-очки, – пытаюсь освободиться, грустно улыбнулась Мария. – Читай книги, слушай музыку, смотри фильмы. Что ты делал перед моим приходом?

– Да вот, нашёл какой-то древний рассказ на тему памяти, – не отпускал руку Марии Горишвили. – Тема, как ты понимаешь, для меня сейчас очень важная. Посиди ещё немного, я тебе прочту.

– Котик, мне надо идти...

– Да он коротенький! – настойчиво усаживая Марию рядом с собой, уговаривал Горишвили. – Побудь со мной ещё пару минут, пожалуйста! Мне важно твоё мнение об этом рассказе.

– Ну, хорошо, – сдалась Мария. – Пять минут, не больше.

– Слушай, – Горишвили надел ридер-очки. – Рассказ называется «Пари».

«Это глупое пари мы заключили ещё в детстве. Как-то в восьмом классе, изучая человеческий мозг, мы поспорили с Сашкой. Он говорил, что человеческий мозг имеет так называемое дно, и в доказательство приводил в пример то, что старики и старухи, мозг которых переполнен воспоминаниями, труднее запоминают новую информацию, чем дети. А я отвечал, что всё, что говорит Сашка, чепуха. У человеческой памяти нет никакого дна. Есть же случаи, когда некоторые люди после травмы или тяжёлой болезни начинали говорить на незнакомых им до этого языках. С того дня я видел Сашку только на уроках в школе.

Через год Сашка пришёл в класс в очках. Но всех удивляло не это. Троечник Александр Степанов, который ранее на всех уроках буквально «плавал» у доски, начал учиться на одни пятёрки! Вскоре он стал первым учеником в классе. Даже то, что говорил нам учитель на уроке, он помнил почти дословно!

Ещё через год Сашка начал как-то странно говорить: разгова-

ривая с кем-нибудь, он вдруг внезапно забывал некоторые слова. Например: «Я сегодня пойду в... эту... как её... ну, в эту самую... вспомнил – в кино!»

После окончания школы мы не виделись с Сашкой вот уже лет пятнадцать. Я переехал в другой город, стал журналистом и разъезжал по стране, а он стал, как я слышал, простым библиотекарем. И вот судьба в лице моего начальника забросила меня в командировку в родной Ленинград. Я решил навестить школьного друга, но его мать сказала мне, что тот болен и находится в больнице. Разумеется, я отложил все дела и помчался в указанную больницу. Но меня ни за что не хотели пускать к Сашке и даже не сказали, чем он болен. Но я не отступился и, узнав, что Сашку лечит наш товарищ по школе, ставший врачом, решил всё выяснить у него.

Мишка, прошу прощения, Михаил Григорьевич Карцев узнал меня сразу. Мы посидели, вспоминая прошлое, поговорили о настоящем, поспорили о будущем. Наконец, я спросил его:

– Послушай, Миха, как старый друг прошу тебя: расскажи, что случилось с Сашкой Степановым?

Хмуро взглянув на меня, тот ответил:

– Ты помнишь то школьное пари?

– Какое пари? – в недоумении, сказал я.

– Вы поспорили, имеет ли человеческий мозг дно.

– А причём тут это?

– Сашка решил доказать тебе, что он прав. Стал много читать. Буквально «глотал» книги. От переутомления у него плыли искры перед глазами, голову словно сдавливал тяжёлый обруч. Но Сашка преодолевал боль и продолжал читать. Помнишь, как в последнем классе он стал забывать слова? Это было начало. Теперь его мозг заполнен. Да, ты не ослышался. Но Сашка продолжает много читать. Потому и пошёл в библиотекари. Он уже не может без чтения. Это как наркотик: раз привык вводить, уже не можешь прожить без дозы. Но мозг у Сашки заполнен, а он продолжает поглощать новую информацию. И вот старые его воспоминания разрушаются, а их место занимают новые знания. Сашка почти разучился говорить: он забыл, как это делается. Мычит что-то невнятное, как новорожденный младенец. Но он понимает всё, что ему говорят, и всё, что он читает. Не знаю, кто из вас выиграл то проклятое пари: Сашка или ты. Ведь, если кувшин полон, в него ничего больше не войдёт. А мозг продолжает вмещать в себя ещё и ещё. Это мы только предполагаем, что старая информация разрушается и замещается новой. Как в компьютере. А если это вообще не так, и мы наблюдаем просто защитную реакцию организ-

ма? Ну, не может мозг объять всю информацию! Только новую её часть. Принято решение лишить Сашку возможности чтения новых книг, изолировать от радио и телевидения. Пусть переживёт информационную «ломку». Вдруг его мозг сам отринет всё лишнее в данный момент, и Сашка вновь заговорит? Что будет тогда с вашим париж?»

– Что здесь происходит? – прервал чтение неожиданно вошедший в медотсек Петров.

– А вот и наш строгий доктор пожаловал, – нагло осклабился Горишвили, снимая ридер-очки.

– Маша, тебя ищут по всей станции, – укоризненно сказал Николай. – Зачем ты выключила здесь громкую связь?

– Это я выключил, – поспешил ответить Горишвили. – Мне-то в этом лазарете ваши объявления ни к чему, только спать мешают.

– Что случилось? – встревоженно вскочила Мария.

– Ничего особенного, – ответил Петров, надевая на голову Горишвили шлем мем-рекордера. – Просто твоя вахта началась полчаса назад, и сеанс связи с Землёй вместо тебя пришлось проводить Белову.

– Ой, Коля, прости, – смутилась Мария. – Я совершенно забыла...

– Я вижу, – хмуро ответил Петров.

– Эй, господин доктор, – вмешался Горишвили. – Маша тут не развлекалась, она за больным ухаживала.

– Слушала какой-то рассказик, – саркастически усмехнулся Николай. – Ты прежде всего на этой станции отвечаешь за связь, – укоризненно сказал он побагровевшей от стыда Марии. – А уж потом, в свободное от основной работы время, медсестра.

– Полегче, доктор, – вновь вмешался Горишвили. – Ничего страшного не произошло, если кто-то пару минут поболтал с Землёй вместо Маши.

– Сигнал отсюда до Земли идёт тридцать пять минут, – раздражённо ответил Петров. – Ответ Центра столько же. Так что «болтать» весьма проблематично. Поэтому все сигналы шифруются и сжимаются. Кроме того, через нас осуществляется связь с Центром и всех прочих станций проекта «Юпитер».

– Перестаньте! – встала между ними Мария. – Коля, что сообщила Земля?

– Твоему герою, очевидно, это совершенно не интересно, – огрызнулся Петров. – А ты могла бы всё узнать, как говорится, из первых рук, если б уделяла больше времени своим прямым обязанностям и не заставляла разыскивать себя по всей станции.

Гневно сверкнув глазами, Мария вышла из медотсека.

– Грубишь, начальник, – злобно прорычал Горишвили. – Власть свою демонстрируешь? Твоё счастье, что у меня нога повреждена...

– Заткнись, калека! – тоже повысил голос Петров. – Ну, чего вылупился? Героя из себя строишь? Думаешь, я не знаю, как и зачем ты повредил себе ногу? Во время войн такие, как ты, тоже намеренно калечили себя, чтобы не идти в бой.

– Сейчас не война, и я не солдат...

– Война! – закричал Петров. – С космосом, собственным страхом. За знания и жизненное пространство. Здесь не Земля. Случайный метеорит, пробивший оболочку МКС, отказ оборудования, сбой автоматики, ошибка пилота шаттла, осуществляющего полёты между нами и станциями спутников, опоздание транспортника с Земли, доставляющего нам раз в месяц продукты и запчасти – всё, что угодно может убить нас. Мы – на передовой, и в любой момент нас подстерегает смерть. Потому что до Земли миллионы километров, и помощи, в случае чего, ждать неоткуда.

– Но ведь я тоже здесь!

– Да, здесь, – успокаиваясь, сказал Петров. – Но ты – не один из нас. Ты – обычный поганый журналюга! Сто тридцать два года назад межпланетный транспортник «Голиаф» должен был доставить сюда, на орбиту Юпитера, первую секцию МКС «Ю-1». Твоему хозяину, главе концерна «Интерньюс», пришла в голову «гениальная» идея: добавить в команду «Голиафа» «простого парня, такого, как все». Только со смазливой внешностью и хорошо подвешенным языком. Чтобы каждый земной обыватель, сидя на своём диванчике перед телеэкраном и попивая пиво, смотрел твои репортажи с борта космического корабля и чувствовал себя равным первопроходцам и десантникам космофлота. «Интерньюс» приобрёл тебе билет космического туриста. Вот как ты оказался на борту «Голиафа».

– И что случилось? – тихо спросил Горишвили.

– Никто не знает. Корабль исчез где-то здесь, на орбите Юпитера. Астрономы зафиксировали вспышку, но был ли это взрыв, в точности не известно. А ты, герой, свою память старательно запер от всех. И ключик выбросил.

– Слушай, доктор, – заскрипел зубами Горишвили. – Мне надоели твои обвинения! Ничего я не запираю и никаких ключей не выбрасывал. Зачем мне это?

– Мы узнаем, – спокойно ответил Петров, отключая мем-рекордер. – Обязательно узнаем...

Он вынул из прибора кристалл записи.

– Посмотрим, что выдал твой мозг, когда ты разозлился и утратил над собой контроль, – усмехнулся Петров и вышел из медотсека, даже не взглянув на Горишвили.

– Итак, начнём совещание, – устало сказала майор Прийма. – После катастрофы нас осталось трое.

– А я? – возмутился Горишвили. – Меня почему не считаешь?

– Ты, Котэ, пассажир, – мягко ответила Прийма. – К тому же – штатский, без специальной подготовки. Чем ты нам можешь помочь?

– Прежде всего, я – мужчина! – гордо выпрямился Горишвили. – Тебе ли, Вера, этого не знать?

– Ладно, с этим вопросом разберёмся позже, – пресекла спор майор Прийма и нажала кнопку включения видеозаписи. – Сегодня двадцать четвёртое октября две тысячи семьдесят второго года. Семнадцать часов две минуты по корабельному времени. Я – член экипажа космического грузового корабля «Голиаф» майор космофлота Вера Прийма. Наш командир, полковник Юрий Смирнов, погиб. Как старшая по званию, приняла командования на себя. Из двадцати человек экипажа корабля в живых, кроме меня, осталось ещё трое: капитан космофлота Джон Льюис, лейтенант Алексей Ветров и пассажир корабля, репортёр агентства «Интерньюс» Котэ Горишвили. Капитан, доложите, что произошло.

– Я и лейтенант Ветров были в рубке, на вахте, – начал Льюис. – Всё было в норме. Корабль шёл в точку назначения по заданному маршруту, согласно установленному графику. В пятнадцать сорок семь по корабельному времени почти прямо по курсу внезапно появился неизвестный объект.

– Что значит «внезапно»? – спросила Прийма.

– За секунду до этого его там не было, – нервно потёр лоб Льюис. – Локатор показывал чистое пространство. И вдруг появился объект, приблизительно втрое больше нашего корабля. Прямо, как в фантастических фильмах, где звездолёты «ныряют» во всякие «надпространства» или появляются из «червоточин».

– Ладно, оставим пока догадки и сравнения. Что было дальше?

– Автоматика включила сигнал тревоги и противометеоритную пушку. Объект был слишком близко и нёсся прямо на нас. Мы начали манёвр уклонения от лобового столкновения. Будь это обычный метеорит из пояса Койпера, наш лазер испарил бы его, но объект оказался чужим звездолётом. Удар пушки пришёлся, видимо, по отсеку управления инопланетян, и их неуправляемый звездолёт через шестнадцать секунд врезался в наш корабль.

– Каковы последствия столкновения?

– Произошёл взрыв топливных баков «Голиафа». Двигательный отсек оторвало. Разгерметизированы почти все жилые и рабочие помещения, кроме рубки управления и вашей каюты, госпожа майор. Находившиеся в повреждённых отсеках люди погибли. Чудом в живых остались только мы трое и пассажир.

– Да, Котэ был в моей каюте во время столкновения, – покраснела Прийма. – Мы... в общем, нам повезло. Продолжайте, капитан.

– Чужой звездолёт и остатки «Голиафа» теперь составляют единый конгломерат неуправляемых обломков. Столкновение и взрыв сбили нас с курса. Мы падаем на Юпитер.

– Сколько у нас времени?

– Неделя, не больше.

– Лейтенант, что у нас со связью?

– Связи нет и не будет, – ответил Ветров. – Даже если мы найдём и каким-то образом подключим оторванную взрывом антенну дальней связи, у нас просто не хватит энергии на сигнал нужной мощности. Энергоотсек разрушен. Словом, нас никто не услышит.

– Капитан, что у нас с запасами воздуха?

– Система жизнеобеспечения рубки сейчас работает в автономном режиме. Аккумуляторов хватило бы на месяц, но...

– Понятно. Что ещё?

– Уцелело пять скафандров, – продолжил Льюис. – Каждый из них имеет суточный запас кислорода. Продовольствие уничтожено. С водой лучше: она превратилась в лёд, растопить который не составит труда.

– Спасибо, капитан. Осталось добавить, что я с лейтенантом Ветровым побывала на звездолёте пришельцев. Он тоже пострадал от столкновения и взрыва. В рубке одни обгорелые трупы. Но мы обнаружили отсек с рядами устройств, напоминающих наши криокамеры. Почти все они заполнены пришельцами. К сожалению, мы не знаем, как их «разбудить» и, следовательно, на их помощь рассчитывать не можем. Джон, а что с нашими спасательными капсулами?

– Уцелела только одна, госпожа майор.

– Понятно, – вздохнула Прийма. – Какие будут предложения? Все молча смотрели на неё.

– Подождите, – заговорил вдруг Горишвили. – Это что же получается: нам осталось жить всего неделю?

– Успокойся, Котэ, – грустно ответила ему Прийма. – Мы что-нибудь придумаем.

– Что вы придумаете? – взорвался Горишвили. – Я же слышал: связи нет, еды нет, мы падаем на Юпитер!

– Лейтенант, проводите Котэ в мою каюту, – распорядилась майор.

– Никуда я не пойду! – заорал Горишвили. – Я хочу знать, что вы тут решите. Это меня тоже касается.

– Хорошо, – махнула рукой Ветрову Прийма, отменяя приказ. – Пусть остаётся.

Помолчав, майор сказала:

– Отложим пока звания и субординацию. Наша миссия провалена. Поговорим не как солдаты, а как простые люди Земли. Нам выпал уникальный шанс: мы, наконец-то, вступили в явный контакт с инопланетной цивилизацией.

– Ничего себе, контакт! – вновь взвился Горишвили.

– Заткнись, «мужчина», – презрительно осадил его Ветров. – Тебе слова никто не давал.

– Котэ, не перебивай меня, – попросила Прийма.

– Но, Вера...

– Сиди молча, если у тебя нет каких-то конкретных предложений, или я прикажу удалить тебя с совещания. У нас нет времени на истерики и склоки.

Горишвили возмущённо запыхтел, делая вид, что поправляет ремни безопасности, удерживающие его в кресле. В целях экономии энергии система искусственной гравитации с момента катастрофы была отключена.

– Да, контакт состоялся не так, как нам всем хотелось бы, – продолжила майор. – Однако мы обязаны доложить обо всём произошедшем в Центр.

– Но как это сделать, Вера? – спросил Ветров. – Связи нет.

– У нас есть спасательная капсула, – задумчиво произнесла Прийма. – Мы можем записать в память её бортового компьютера наши рапорты и отчёты, видеозаписи столкновения, загрузить в капсулу артефакты с чужого звездолёта и оставить её на орбите Юпитера. Рано или поздно сюда прилетит следующая миссия с Земли и обнаружит наше послание. Мы даже можем попытаться заменить криокамеру на нашей капсуле соответствующим устройством с пришельцем.

– Что?! – возмутился Горишвили. – Спасать одного из погубивших нас ублюдков?

– Котэ! – укоризненно посмотрела на него Прийма. – Ты же репортёр! Контакт – это мировая сенсация...

– Я не согласен! – закричал Горишвили. – Если есть возмож-

ность спасти хотя бы одного человека...

– Замолчи, Котэ! – приказала майор.

– Он прав, Вера, – сказал вдруг Ветров. – Человек сможет рассказать больше, чем рапорты и видеозаписи. К тому же, криокамера пришельцев не пройдёт в люк нашей спасательной капсулы.

– Что ж, – вынужденно согласилась Прийма. – Тогда вам, троем, придётся тянуть жребий.

– Нет, майор, – твёрдо возразил Льюис. – Никакого жребия. Вы должны занять место в капсуле.

– Согласен, – быстро добавил Ветров. – Лично я не смогу себя уважать и смотреть в глаза людям, если сам спасусь, а женщину оставлю умирать.

– Прекратить дискуссию! – хлопнула ладонью по столу Прийма. – Здесь нет женщин и мужчин, есть командир и подчинённые. Капитан всегда покидает гибнущий корабль последним. Приказываю тянуть жребий.

– Я тоже не согласен! – взвизгнул каким-то срывающимся голосом Горишвили. – Не должно быть никакого жребия.

– Правильно, господин репортёр, – поддержал его Льюис. – Наконец-то вы ведёте себя, как настоящий мужчина.

– Вы должны спасти меня! – не слушая капитана, верещал Горишвили. – Я – пассажир на вашем корабле. Команда обязана в первую очередь спасти пассажиров, а не себя!

– Коля, нам надо поговорить...

– Я давно пытаюсь это сделать, – ответил Петров. – Но ты, в последнее время старательно избегала любых объяснений между нами.

– Ты прав, прости, – согласилась Мария. – Но больше откладывать нельзя.

– Что ж, начинай.

– Это не так просто...

– Тогда начну я.

Петров нервно сжал подлокотники кресла и глубоко вздохнул.

– От меня только что вышел прибывший сегодня на очередном транспортнике с Земли капитан Шульц. По документам, он прибыл на «Ю-1», чтобы заменить тебя. Что это значит?

– Об этом я и пришла поговорить, – виновато взглянула на Петрова Мария. – Мой контракт на «Ю-1» заканчивается через неделю, и я не стала его продлевать.

– Но почему? – удивился Николай. – И как получилось, что я об этом узнаю только сейчас?

– Центр запрашивал твоё согласие на замену меня Шульцем, – отвела взгляд Мария. – Это было во время моей вахты. Я ответила, что ты не возражаешь.

– Что? – поразился Петров. – Ты ответила Центру, даже не спросив моего мнения и не поставив меня в известность о происходящем? Маша, это же преступление! Как ты могла? Зачем?

– Прости меня, Коля, – поникла в кресле Мария. – Я не хотела волновать тебя раньше времени. Ты и так последнее время весь на нервах. Кроме того, я хотела избежать бесполезных споров и объяснений. Можешь подать на меня рапорт, всё равно это теперь не имеет никакого значения.

– Это не ответ! – вспыхнул Петров. – Зачем ты прервала контракт?

– Ты же знаешь, транспортник увезёт Котэ на Землю. Я хочу полететь с ним, – с вызовом взглянула на Николая Мария. – Я... люблю его.

– Ты сошла с ума! – ужаснулся Николай. – Подумай, что ты говоришь. Как можно влюбиться в такого подонка?

– Не смей его так называть! – гневно крикнула Мария. – Вы все тут окружили Котэ ненавистью и презрением. И всё из-за твоего дурацкого мем-рекордера. Мало ли, что он там показывает! Ты не можешь в точности определить, где настоящие воспоминания, а где бред травмированного мозга.

– Машенька, – с жалостью посмотрел на неё Николай. – Я понимаю, ты стараешься обелить и оправдать Горишвили. Но не давай чувствам заглушить разум.

– Я помню ту первую записку, что ты мне показывал, – запальчиво ответила Мария. – Битва с гориллами и моё так называемое соблазнение. И мне лучше других известно, что никакого соблазнения тогда не было! Почему же я должна верить во всё остальное?

– Значит, тогда соблазнения не было, – саркастически усмехнулся Николай. – А когда было?

– Это сейчас не важно и тебя не касается, – непреклонно ответила Мария. – Вместе с отказом от продления контракта, я послала на Землю и заявление о разводе. Видимо, поэтому Центр и не настаивал на дальнейших объяснениях и личных контактах с тобой.

– Да, я получил эти документы, – хмуро кивнул Николай. – Об этом потом. Вернёмся к Горишвили...

– Нет, о Котэ больше говорить не будем, – возразила Мария. – Ты меня не убедишь.

– А документальная запись его преступных подлых действий убедит?

– Какая запись? – презрительно засмеялась Мария. – Опять твой мем-рекордер?

– Нет, – с сочувствием посмотрел на неё Николай. – Раз ты об этой записи ничего не знаешь, значит, вы с Горишвили, как всегда, отключили громкую связь. Видишь ли, Маша, в спасательной капсуле Горишвили была видеокамера, фиксирувавшая на внутреннюю память всё происходящее. Мы не могли просмотреть эту запись раньше, так как в той видеокамере нет режима воспроизведения. Горишвили, судя по всему, не знал об этой камере, и потому её флэшка сохранила для нас всё, что он делал.

– Почему же вы раньше молчали об этой видеокамере? – недоверчиво спросила Мария.

– За сто тридцать лет кардинально изменились форматы записи и устройства хранения. С личным чипом Горишвили было проще – там считывание данных происходит бесконтактно. Мы обнаружили и извлекли из видеокамеры флэшку, но нам нечем было её прочесть. Рисковать с самодельными переходниками Центр нам запретил. Сегодня транспортник доставил с Земли соответствующее устройство. Расшифровку этой записи уже посмотрели по внутренней сети все свободные от вахты сотрудники «Ю-1» и команда транспортника. Хочешь посмотреть сейчас?

– Нет, – нервно сжала руки Мария. – У меня нет времени. Просто вкратце расскажи, что там?

– Капсула давно уже отделилась от «Голиафа» и вышла на самостоятельную орбиту вокруг Юпитера, а Горишвили всё не решался влезть в криокамеру: тянул до последнего момента, – презрительно начал Петров. – Боялся, хотел продлить жизнь как можно дольше.

– Прошу тебя, не надо оценок и комментариев, – взмолилась Мария. – Только факты.

– Хорошо, – кивнул Николай. – Прийма, Льюис и Ветров работали почти без перерывов на отдых и сон, стараясь заснять и передать как можно больше информации о чужом звездолёте и пришельцах. С Горишвили они не общались. Его помощь, собственно говоря, им не требовалась – данные шли напрямую в память бортового компьютера спасательной капсулы.

Когда кислород в воздухе капсулы стал заканчиваться, и дышать стало трудно, Горишвили начал раздеваться, чтобы лечь в криокамеру. И тут он услышал слова Ветрова, сказанные Льюису. Космонавты считали, что Горишвили давно в глубокой заморозке и их не слышит, потому и не стеснялись в выражениях. С тех пор

Горишвили и не любит громкую связь, хоть и жалуется на амнезию.

– Не тяни, Коля, – попросила Мария. – Время уходит. Мне сейчас не важно, кто там кому чего сказал...

– Ошибаешься, Маша, – возразил Петров. – Этот момент как раз очень важен. Ветров сказал Льюису, что ему жаль, что весть о величайшем открытии в истории человечества принесёт на Землю трусливый подонок. И Горишвили эти слова, к сожалению, услышал. До него дошло, что он сам доставит на себя убойный компромат. Его репутация и карьера рухнут. Времени, чтобы найти и удалить из памяти компьютера соответствующие записи, у него уже не было. Задыхаясь от страха и недостатка кислорода, этот подонок прервал связь с «Голиафом» и дал команду бортовому компьютеру спасательной капсулы отформатировать всю память. Он сознательно уничтожил все сведения о контакте и подвиге троих землян! А потом быстро залез в криокамеру и включил режим заморозки. В спешке, этот подонок даже не подумал о том, что форматируя память компьютера, он удаляет и программу подачи аварийного сигнала. Вот почему столько лет никто не слышал «SOS» с его спасательной капсулы. Если б наш зонд случайно не пролетел рядом...

– Мне пора идти собирать вещи, – встала Мария. – Транспортник уходит через два часа.

– Опомнись, Маша! – взмолился Николай. – Зачем ты себя губишь? Расшифрованная запись уже ушла в Центр. Предыдущие кто-то скинул в интернет, и их посмотрели миллиарды людей. Когда-то в Древней Греции один ничтожный негодяй сжёг храм Артемиды, чтобы хотя бы этим прославить своё имя. Но он не достиг своей цели: люди стёрли из всех документов имя поджигателя, дав ему кличку «Герострат», чтобы другим неповадно было повторять подобное. Имя же Котэ Горишвили, наоборот, уже стало известно всем и останется символом трусости, подлости и предательства. Горишвили ждут на Земле всеобщие ненависть и презрение. Я недавно с трудом удержал ребят от самосуда. Они хотели опять засунуть негодяя в его спасательную капсулу и выкинуть в космос.

– Именно поэтому я должна быть рядом с Котэ, – решительно ответила Мария. – Каждый может оступиться, испугаться, совершить что-то постыдное. Должен быть кто-то рядом, чтобы спасти человека от дальнейшего падения.

– Что ты говоришь, Маша? – ужаснулся Николай. – Кого ты собираешься спасти? Нельзя прикоснуться к грязи и не испачкаться. С тех пор, как Горишвили появился на «Ю-1», ты не раз

нарушила дисциплину, утаила от меня запрос Центра, подделала мой ответ, лгала мне...

– Добавь ещё: изменяла, – безучастно произнесла Мария.

– Ты не тянешь Горишвили вверх, а сама катишься вниз! – взорвался Николай. – До сих пор на меня здесь смотрели с жалостью, а на тебя с недоумением. Кто-то и подсмеивался за спиной. Но если ты окончательно уйдёшь к этому подонку, в глазах людей вы будете с Горишвили одно и то же. Все решат, что ты одобряешь его поступки. А что ты скажешь нашей дочери?

– Да, ты прав, – согласилась Мария. – Но если я сейчас брошу Котэ, то чем я буду лучше? Я узнала всю правду о нём, и мне сейчас тяжело, но моя любовь к нему никуда не делась. Чувства не подвластны разуму. Они либо есть, либо нет. Прости меня, Коля. Подпиши документы на развод и... объясни всё Ленке. Она уже взрослая, сама замуж собирается. Должна меня понять...

– Нет, Маша, – твёрдо сказал Петров. – Развод я тебе не дам. Ленку ты увидишь раньше меня, если, конечно, она захочет с тобой встречаться. Сама ей всё и объясняй. Ты права: чувства не подвластны разуму. Но я уверен в одном: рано или поздно Горишвили предаст и тебя. Здесь, на «Ю-1», ты была первой и единственной женщиной, которую он увидел после ста тридцати двух лет спячки. На Земле у него будет выбор куда больше.

– Намекаешь на мой возраст? – горько улыбнулась Мария. – Ты же сам сказал, что Котэ ждёт на Земле всеобщее презрение.

– Земные тюрьмы полны преступниками, ищущими себе подруг по интернету, – махнул рукой Николай. – Они легко находят дур, вступающих с ними в переписку. Те ездят в тюрьмы на свидания и даже выходят замуж за этих подонков. А твоему Горишвили вряд ли тюрьма грозит: нет пока такого закона ни в одном уголовном кодексе. Вот увидишь, он ещё и мемуары какие-нибудь лживые накропает, по ним снимут боевик, твой красавчик разбогатеет и обзаведётся толпой поклонниц. Ты станешь ему не нужна, и он немедленно избавится от тебя.

– Может быть, всё так и будет, – ответила Мария. – Но сейчас я нужна Котэ и не оставлю его один на один с бедой, дашь ты мне развод или нет.

– Что ж, – встал Николай. – Тогда ты должна понять и меня: я тоже не могу оставить тебя один на один с бедой. Хочу, чтобы ты помнила: есть человек, который по-настоящему любит тебя, и есть место, куда ты всегда можешь вернуться. Вот почему я не дам тебе развод. А теперь пойдём собирать твои вещи, до отлёта транспортного на Землю осталось всего полтора часа...

Рыцарь – Дракон

«Ах, с каким обожанием смотрела мне вслед прекрасная леди Джейн!» – Самодовольно улыбался сэр Питер, вновь и вновь переживая свой торжественный выезд из ворот замка сэра Генри Локсли на битву с драконом. Кричали слуги и оруженосцы, махали платочками дамы, салютовала стража.

Рыцарь в очередной раз поднёс к губам изрядно опустевший бурдючок. «А у этого Локсли довольно неплохое вино! – вынужден был признать сэр Питер. – Где, интересно, он его достаёт в этой глуши? Впрочем, эти земли уже не так дики и пустынные, как ранее», – с удивлением вдруг понял рыцарь, вспоминая выросшие вдоль дороги, как грибы после дождя, таверны и постоянные дворы, в которых он ночевал по пути из Лондона к замку сэра Локсли. Дорога была просто забита обозами купцов и караванами путешественников, но для сэра Питера всегда находилась отдельная комната и обильный ужин, где бы он ни остановился на ночлег. Ещё бы! Ведь он ехал на битву с драконом!

Рыцарь ещё раз изрядно хлебнул из бурдюка, довольно крикнул, заткнул его пробкой и вновь, привычно покачиваясь в седле, погрузился в воспоминания.

Да, у этого захудалого рыцаря, сэра Генри Локсли, не только прекрасное вино, но и отличный повар. Ах, какой обед задал вчера в честь сэра Питера хозяин полуразрушенного замка! Какие блюда подали на стол! Ничего подобного сэру Питеру не приходилось вкушать даже на пирушках в королевском замке.

«И чего это сэр Генри так старался отговорить меня от битвы с драконом? – капля дёгтя упала в бочку мёда воспоминаний от важного рыцаря. – Зачем хозяин замка громко перечислил более десятка имён знатнейших рыцарей Англии, бесследно сгинувших на Драконьей горе? Почему, наконец, сам сэр Генри Локсли даже не попытался очистить свои владения от кроважадного чудовища? Неужели этот крестоносец, по слухам бывший когда-то одним из оруженосцев короля Ричарда, – просто трус, недостойный звания рыцаря?»

– Мы прибыли на место, сэр! – прервал размышления рыцаря мальчишка-проводник. – Дальше придётся идти пешком: склон горы слишком крут для наших коней.

Сэр Питер громко рыгнул и грузно вылез из седла. Совершенно пустынная тропа тут кончалась, упираясь в густо заросшее деревьями и колючим кустарником подножие довольно высокой

горы. Солнце уже почти достигло зенита, было жарко и душно.

– Поторопись, малый! – крикнул рыцарь проводнику, облегчаясь от выпитого вина прямо на дорогу. – Нам надо успеть разделиться со зверюгой и вернуться в замок до начала дождя. Мои старые раны с утра пророчат грозу.

Юноша быстро снял с коня доспехи и оружие рыцаря. Глядя, как он ловко и без ошибок обряжает его и крепко затягивает все кожаные ремешки, сэр Питер с удовлетворением подумал, что хозяин замка его не обманул. Собственный оруженосец рыцаря, страх которого перед драконом так и не смогло ослабить выпитое за вчерашним обедом вино, с утра казался больным. Сэр Генри, узнав о возникшем затруднении, немедленно успокоил сыпавшего ругательствами рыцаря, заявив, что проводник к логову дракона прекрасно разбирается в рыцарских доспехах и поможет сэру Питеру облачиться в них ничуть не хуже настоящего оруженосца.

– Между нами, сэр Питер, – тихо сказал хозяин замка, отводя рыцаря подальше от толпы провожающих. – Моему слуге Энди пришлось помогать в этом и всем прочим Вашим предшественникам. Зато их трусливым оруженосцам выпал нелёгкий жребий вестников гибели своих господ.

Улыбка хозяина замка не понравилась сэру Питеру, но тут к ним подошла восхитительная леди Джейн...

– Готово, сэр, – вновь вернул рыцаря к действительности голос мальчишки-проводника. – Можно идти.

Рыцарь был уверен, что они ломятся через лес наугад. Он не видел даже малейших признаков какой-либо тропы.

– Стой, малый! – запалённо прохрипел, наконец, сэр Питер, плюхаясь задом на кочку под ближайшем деревом и смахивая со лба жгучий пот, последние минуты совершенно заливший его глаза. – Как ты находишь путь в этой чащобе?

– Ручей, сэр. Он течёт вниз от самой пещеры дракона. Мы идём вдоль его берега.

Энди раздвинул кусты, и рыцарь действительно увидел не-большой, но бурный ручей. Собственное пыхтение и шум в ушах от выпитого по дороге к горе вина, видимо, не давали сэру Питеру услышать журчание текущей рядом воды.

– Смею заметить, сэр, Вы напрасно сели на муравейник, – флегматично жуя травинку, сказал Энди.

Рыцарь с проклятием вскочил на ноги и поспешно вошёл в ручей, чтобы избавиться от облепивших его ноги муравьёв, а заодно и смыть с лица пот.

– Далеко ещё? – спросил он через несколько минут, вылезая на берег.

– Нет, сэр, – ответил Энди, помогая рыцарю снять сапоги и вылить из них воду.

– А как ты умудрился выжить? Почему доблестные рыцари пали в битвах с чудовищем, а ты жив и здоров?

– Очень просто, сэр. Я не участвую в битвах, – ответил Энди, развязывая свой тюк и вываливая на траву его содержимое. – Вот Ваши шлем, щит, меч и рукавицы. Идите вверх по течению ручья и через полсотни шагов выйдете на поляну перед пещерой дракона. А я вернусь к лошадям и буду ждать Вашего возвращения.

– Ах ты, маленький негодяй! – вскрипел рыцарь. – Я сам убью тебя, когда вернусь.

– Все так говорят, сэр! – нагло ухмыльнулся Энди ему в лицо и исчез в кустах.

– Вот мерзавец! – яростно хрипел рыцарь, с трудом нагибаясь и поднимая брошенное подлым мальчишкой оружие. – погоди, я доберусь и до тебя, и до твоего двуличного хозяина. Хорошего же помощничка он мне дал!

«Может, вернуться и вызвать сэра Генри на поединок? – подумал сэр Питер. Но тут он вспомнил, как смотрела на него, уходящего на битву с ужасным драконом, леди Джейн, и скрипнул зубами. – Ладно, сначала разберусь с одним чудовищем, а потом, когда вернусь, с другим».

Мальчишка не обманул, и пыhtящий от усталости и злобы рыцарь неожиданно скоро вывалился из кустов на небольшую, не более десяти ярдов в поперечнике, поляну. На другой её стороне сэр Питер увидел уходящую в высь отвесную стену, в которой темнел полукруг пещеры. Блестящим на солнце языком ручей изливался из неё, огибал поляну и исчезал в кустах. А на пне у входа в пещеру сидел сэр Генри Локсли и кидал камешки в ручей.

– Вот, наконец, и Вы, сэр Питер, – радушно улыбнулся он. – Добро пожаловать в гости к Дракону.

– Сэр Генри? – в недоумении промычал ошеломлённый рыцарь. – Как Вы здесь очутились?

– Приехал, конечно, – указал на пасущуюся между деревьев лошадь хозяин замка. – Путь через кусты и чащобу – только для драконоборцев!

– Что за дурацкие шутки?! – взревел сэр Питер и рванулся вперёд. Неожиданно земля у него из-под ног, и рыцарь с грохотом рухнул в глубокую яму...

Сэр Питер очнулся от ощущения, что ему на лицо льётся тёплая струя воды. Но на вкус это была вовсе не вода. И не вино. Рыцарь открыл глаза и зарычал от унижения и бессильной ярости.

– Как себя чувствуете, сэр Питер? – возвышаясь на краю ямы-ловушки, спросил сэр Генри, невозмутимо заканчивая справлять нужду.

– Вы – бесчестный негодяй! – отплёвываясь, просипел несчастный рыцарь. – Я Вас вызываю!

– Вы станете семнадцатым рыцарем, убитым непобедимым и ужасным драконом, – спокойно ответил сэр Генри. – Ваш оруженосец вернётся домой и расскажет, как весь вечер я неустанно отговаривал его бесстрашного господина от битвы с чудовищем. Нет, сэр Питер, я не приму Ваш вызов. Какой смысл биться с мертвецом? Ведь Вы умерли в тот момент, как только решили убить дракона. Окончательно же Вы станете трупом здесь, в этой яме, как и все Ваши предшественники.

– Зачем Вам всё это, сэр Генри? – тихо спросил несчастный рыцарь.

– Месть и деньги, – прозвучал неожиданный ответ.

– Деньги! – презрительно процедил рыцарь. – Вы хотите потребовать за меня выкуп?

– Мне надо восстанавливать мой замок, – вздохнул сэр Генри. – Вы же сами видели, в каком он состоянии. А строительство – весьма дорогое дело, сэр Питер. Весьма! Разрушать гораздо легче и прибыльней – ведь можно пожить за счёт бывшего хозяина! Вам ли этого не знать, сэр.

– Я не понимаю, о чём Вы, – надменно ответил рыцарь. – Какую сумму Вы намерены потребовать с моих близких, сэр?

– О, на сей счёт можете не волноваться, сэр Питер. Они не пойдут по миру с протянутой рукой. Вы помните еврея Ротшильда?

– Вы говорите о лондонском ростовщике Исааке?

– Разумеется! У меня с ним взаимовыгодное партнёрство. Как только Вы, сэр, объявили всем, что отправляетесь в мои владения на битву с драконом, Исаак немедленно начал наводить справки о вашем состоянии. Уверяю Вас, сэр Питер, в данный момент еврей знает о том, сколько у Вас денег и имущества лучше и полнее, чем Вы сами. Он составит столько Ваших долговых расписок, сколько нужно, чтобы как можно сильнее обобрать вашу семью, но в то же время оставить её на плаву. Мы не хотим, чтобы люди заметили разорение всех героев, погибших в битвах с ужасным драконом. Еврей оставляет себе половину полученного, но и всеми силами борется за то, чтобы выжать из должников, как можно больше, так что я не в претензии на его жадность.

– Я никогда не подпишу ваши фальшивые расписки, сэр мошенник!

– Я сам подпишу их. Вы, ведь, неграмотны, сэр Питер, – засмеялся Локсли. – Как и большинство рыцарей. И используете вместо подписи перстень-печатку. Вот этот. Мой слуга Энди выкрал его, когда обряжал Вас в доспехи.

– Вы, сэр Дракон, не только подлый убийца и грязный мошенник, но и вор! – затрясся в бессильной злобе рыцарь. – Моя жена не даст вам ни фартинга!

– Уверяю Вас, сэр Питер, когда придёт весть о Вашей гибели, она отдаст всё, лишь бы не запятнать светлую память мужа-героя денежным скандалом с евреем. Менестрели будут слагать о Вас песни, прекрасные дамы, слушая их, одним своим восхищением Вашим подвигом подвигнут своих кавалеров на приезд в мои владения, чтобы сразиться с драконом во славу своих любимых. И я встречу их. У меня большие расходы, сэр. Кроме восстановления замка, мне нужно платить своим людям. Я постепенно пристраиваю их к делу: надеюсь, Вам понравились те таверны и постоялые дворы, в которых Вы останавливались по пути сюда? Все они куплены или построены на деньги Ваших предшественников и принадлежат мне. А как Вам понравилась оружейная лавка Грина, та, что недалеко от Тауэра? Видимо, в ней Вы, сэр Питер, если глаза меня не подводят, приобрели этот панцирь, что сейчас на Вас. Лавка оружейника тоже моя, а панцирь ранее принадлежал одному из драконоборцев. Вскоре он вновь вернётся в лавку Грина и будет ожидать нового покупателя. А Вашему прекрасному боевому коню уже со вчерашнего вечера приготовлено место в одной из конюшен моего замка.

Локсли несколько мгновений помолчал, задумчиво глядя сверху на угрюмого рыцаря, сидящего в углу ямы в вонючей луже.

– Меня печалит, сэр Питер, что Вы не обратили никакого внимания на основную причину нахождения Вас в этой яме. Деньги мне, конечно, очень нужны, но в первую очередь, сэр, я назвал не их, а месть.

– Месь? – удивился пленник. – Разве я Вас чем-то оскорбил?

– Вы, сэр Питер, состоите в свите принца Джона?

– Да. Ну и что?

– А я десять лет назад ушёл с королём Ричардом Львиное Сердце в Палестину освобождать от неверных гроб Господень. Высокая цель! Вы не находите, сэр Питер?

– Да, высокая. Но причём здесь я?

– Два года назад я вернулся на родину. И какая, как Вы думаете,

награда меня ждала? Я узнал, что рыцари, входящие в свиту принца Джона, разрушили и разграбили мой замок! Мои мать и отец убиты, а малолетнюю сестру захватчики насильовали несколько суток, пока она не умерла. Вы не могли этого не знать, сэр Питер, ведь при дворе принца Джона принято хвастать подобными «подвигами». И после этого Вы имеете наглость спрашивать, за что я мщу!

– Я не был в числе разграбивших Ваш замок, сэр Генри, – торопливо зачастил сэр Питер. – Я не враг Вам!

– Я тоже не был врагом тем негодьям. Я даже не был с ними знаком. Вся моя вина состоит в том, что я служу королю Ричарду, а не принцу Джону. Это вы, сэр, рыцари принца Джона, объявили мне войну, и я воюю с вами, как умею и могу. Радуйтесь тому, сэр Питер, что в отличие от моих родителей и сестры, вы в глазах близких и окружающих погибаете героями, бросившими вызов ужасному дракону. По крайней мере, так будут считать до тех пор, пока не вернётся на трон король Ричард. Я расскажу ему всё, а уж он решит, надо ли открыть людям правду о драконе и его жертвах.

Неожиданно страшный рёв раздался над горой и поднял в воздух тучи птиц.

– Что это? – содрогнулся в яме сэр Питер.

– Это ревь дракон, – ухмыльнулся сэр Генри. – Его ревь возвестил всей округе и гостям моего замка, что Вы, сэр Питер, вступили в бой с чудовищем.

– К-как-кой дракон? – заикаясь, выдавил рыцарь.

– Не могу же я ограничиваться одними слухами, сэр! Чудовище должно регулярно подавать явные признаки своего нахождения на этой горе. К тому же, ревь дракона отраживает от горы любопытных бездельников и случайных прохожих. А на самом деле, так уж и быть, открою Вам секрет, это просто звук огромной волюнки, искажённый и усиленный пещерой. Но хватит досужих разговоров. Бой начался. Приготовьтесь к смерти, сэр рыцарь.

– Меня не так-то легко убить, сэр Дракон! – закричал вновь обрётший мужество сэр Питер, сжимая обеими руками свой меч.

– Вы, сэр рыцарь, не умрёте как честный воин, – спокойно ответил сэр Генри. – Тот ручей, что привёл Вас сюда, отгорожен от этой ямы специальной заслонкой. Мой слуга Ахмед, пожелавший оставить свою родную Палестину и остаться со мной до конца дней своих, сейчас поднимет заслонку и пустит воды ручья в яму. Вы утонете, как крыса в ведре, точно так же, как и все Ваши предшественники из свиты принца Джона.

– Вы будете гореть в аду, Локсли! – прорыдал сэр Питер, роняя меч.

– Возможно, – печально ответил сэр Генри. – Но не из-за вас. На моих руках не будет вашей крови, подлые прихлебатели принца-негодяя, хоть это и не имеет особого значения. Перед отправкой в крестовый поход наш святейший Папа заранее отпустил всем его участникам, и мне в том числе, все прошлые и даже будущие грехи. И всё же Вы умрёте не от моей руки. Я спас Ахмеду жизнь в Палестине. Потом он дважды спас меня от смерти. И поэтому, когда Ахмед попросил у меня привилегию на поднятие заслонки, я не смог ему отказать. Убийство христиан приближает его к мусульманскому раю. Ахмед живёт в пещере и убивает всех, кто осмелится подняться на Драконью гору. Это тоже способствует всеобщему убеждению, что дракон действительно живёт на этой горе, и сейчас уже никто из окрестных жителей не рискует приближаться к ней. Что ж, сэр Питер, приятно было побеседовать с Вами, но меня ждут в замке более насущные дела...

– Подождите, сэр Генри! – закричал рыцарь, лихорадочно пытаясь избавиться от тяжёлых доспехов, но его голос заглушил победный «рёв дракона», и поток ледяной воды обрушился на голову сэра Питера...

Рука тьмы

...Едкий пот щипал глаза. Видимо, какой-то осколок повредил систему теплообмена, и теперь Олег плавился от жары, хотя за тонкой оболочкой его скафандра был космический холод. Космонавт не чувствовал собственного тела, паря в пространстве между Марсом и Землёй.

Пропала связь с Центром, и командир приказал Олегу проверить внешнюю антенну. Олег, недовольно ворча, натянул скафандр и вышел в космос. «Внизу» оранжевым апельсином пылал Марс, «вверху» голубым бриллиантом сияла Земля.

– Красота! – воскликнул Олег и повернулся к антеннам.

Что случилось в следующее мгновение, он мог только гадать. Корабль внезапно взорвался! Скорее всего, несколько микрометеоритов прошли его корпус.

Олега отбросило взрывной волной, страховочный трос длинным хвостом парил где-то за спиной. Чёрное облако из обломков корабля, мгновенно замёрзших запасов воздуха, воды и топлива огромной кляксой расплывалось между космонавтом и Землёй. Олег даже не пытался искать других членов экипажа. Зачем? Выжить никто не мог.

– Кому повезло больше: мне или им? – невесело подумал он.

Смерть товарищей была мгновенной. А вот ему придётся умирать долго и мучительно. Надежды на спасение нет. В Центре наверняка уже знают, что корабль взорвался. Спасательной экспедиции не будет – кому придёт в голову, что во время взрыва один из членов экипажа случайно оказался снаружи и уцелел? Но даже если бы там и узнали правду, то никто не успеет найти Олега в этом месиве обломков прежде, чем у него закончится кислород.

– Я задохнусь, как рыба, выброшенная на берег, – обречённо констатировал космонавт.

Можно, конечно, самому ускорить процесс – разгерметизировать скафандр. Но ведь это же будет грех самоубийства! Нет, Олег не был верующим человеком, хотя и носил на шее крестик. Его дала ему при прощании перед полётом к Марсу мать. Простенький крестик на обычном шнурке.

– Надень, – всхлипывала мать. – Он уберёжёт тебя от беды.

– Сберёг, – угрюмо скрипнул зубами Олег. – А дальше-то что? Муки удушья? Или меня скорее убьют перегрев и радиация? Зачем терпеть бессмысленные мученья?

Но, как и многие атеисты в последние моменты жизни, космонавт не спешил самолично лишать себя жизни. А вдруг всё же «там кто-то есть», и за грех самоубийства придётся держать ответ и платить ещё более страшными и продолжительными муками?

– Не довезём! – прохрипел врач, стараясь перекрыть вой сирены реанимобиля. – Множественные переломы, в том числе и позвоночника. Разрывы внутренних органов. Очень большая кровопотеря. У парня, на первый взгляд, цела только голова – шлем спас. Хотя сотрясение мозга наверняка есть.

– Неужели пятый «груз двести» за этот месяц везём? – спросил дюжий санитар, из-под халата которого проглядывала десантная тельняшка, и разразился матом, не стесняясь присутствия молоденькой медсестры.

– Чёртовы стритрейсеры! Гоняют на купленных за папины деньги машинах и мотоциклах, как угорелые, – злобно прорычал врач. – Насмотрелись голливудских боевиков, идиоты! А наши российские дороги – это вам не американские шоссе! Вот и этот ни с того, ни с сего вылетел на встречу на своём навороченном мотоцикле и врезался в гружёный «Камаз». Не довезём пацана. Он уже практически труп...

– Так мозг-то ещё живёт! – всхлипнула медсестра, показывая врачу на прибор.

– А что толку? – махнул рукой тот. – Да и не жизнь это.

– А что же? – удивился санитар.

– Говорят, у человека перед смертью вся его жизнь перед глазами проносится. Вот это оно и есть.

– Какая там у этого бедолаги жизнь? – в голос зарыдала медсестра. Она достала из кармана окровавленной куртки водительские права разбившегося парня. – Олег Махов. Шестнадцать лет всего! Что он видел?

– Не плачь, Натаха! – прогудел санитар. – Обо всех сердце рвать – никакого здоровья не хватит.

– Что он видел?... – продолжала рыдать медсестра.

– То, что мы с тобой ещё не видели, – попытался неуклюже смешить тему санитар. – Его дружки сказали, что они из кинотеатра ехали. Новый американский боевик смотрели. Про полёт на Марс. Давай тоже сходим в выходной, посмотрим? А, Натах?

– Хватит болтать! – резко сказал врач. – Пацан умер. Наташа, отключай приборы. Опять не довезли...

...Дышать становилось всё труднее. Сквозь слёзы Олег видел, как всё увеличивающаяся клякса обломков, превращаясь в чёрную кисть огромной руки, надвигается, затмевая звёзды, на призывно блестящий шарик Земли.

– Мы умрём вместе, – понял Олег. – Я и весь мир...

Ангел в трубке

- Алло, мне нужен Одиссей.
- Я слушаю. Кто это?
- Ты меня не знаешь. Нам нужно поговорить.
- Говорите.
- Не по телефону. Лично.
- О чём? Кто дал Вам мой номер?
- Всё расскажу при встрече.
- Я сейчас занят. Когда освобожусь, не знаю.
- У нас полно времени – Лена вернётся не ранее, чем через полчаса: в магазине большая очередь в кассы.
- Лена? Вы – Игорь?
- Да. Она обо мне рассказывала?
- Много. Значит, и обо мне Лена сказала Вам?
- Рассказала. Сказку про ангела-хранителя в телефонной трубке.
- Это она дала Вам мой номер?
- Нет. Я тайком скопировал её телефонную книжку, потом проследил за ней до твоего дома.
- Чего ж Вы хотите от меня?
- Я хочу увидеть ангела, которому моя невеста звонит чаще, чем мне. О котором она ничего не хочет мне рассказывать, к которому тайком от меня бегают на свиданья, кому покупает продукты, стоя в очередях. Что она ещё для тебя делает и почему?
- Ревность, значит, тебя грызёт, Игорёк. Это плохо. Что ж, видимо, придётся нам действительно встретиться лицом к лицу. Заходи.
- Куда? Я знаю только подъезд. Но никто в вашем дворе не знает никакого Одиссея.
- Четвёртый этаж, прямо.

Спартак потряс Рим. Пугачёв встряхнул Россию, Наполеон – Францию. История кишит именами великих полководцев, завоевателей, потрясателей основ. Среди Великих есть и женские имена: Клеопатра, Сафо, Жанна Д'Арк, Екатерина Великая... Что они сделали такого, из-за чего их имена живут, хотя сами их носители давно превратились в ничто?

«Человек – это звучит гордо!» – провозгласил Горький.

«Человек – это винтик, незаменимых нет» – «поправил» классика Вождь всех народов.

И, действительно, если относиться к человеку как к винтику, то так оно и есть – заменить можно любого – ведь, результат-то замены рано или поздно устроит заменяющего. Рано или поздно. Тем более, что менять можно бесконечно...

Почему же наши города заставлены статуями «завоевателей», «освободителей», «мыслителей» и прочих «великих людей»? Оставим сейчас в покое имена тех, кто обеспечил людям жизнь: учёных, изобретателей и т.п. Их имена как раз мы знаем хуже всего, а имя изобретателя колеса вообще осталось неизвестно! Зато имена вояк, уничтоживших массу ни в чём не повинных людей, усердно сохранены и почитаемы потомками даже тех, кого они уничтожали. За что мы столь долго помним Чингисхана, Аттилу, Тимура, Александра, Ричарда Львиное Сердце, Наполеона? Что хорошего сделали они для людей? Что хорошего сделали они хотя бы для собственного народа? Награбленное со временем утекло сквозь пальцы немногочисленных наследников, а народы лучше жить не стали. У всех этих «чингисханов» по сути слава Герострата. Они уничтожали чужое, не сумев создать своего, ибо все их завоевания рассыпались с их уходом. Однако Герострата презирают, даже настоящее имя его намеренно предано забвению, а «чингисханы» – в почёте!

Игорь в растерянности стоял посреди комнаты. У окна в кресле-каталке сидел молодой мужчина в полосатой тельняшке, рельефно облегающей мускулистый торс, и шортах, почти полностью скрывающих обрубки ног.

– Садись, в ногах правды нет, – улыбнулся калека.

– Серёженька, я бельё постирала. Побегу, а то муж волноваться будет. – Симпатичная девушка, впустившая Игоря, легко чмокнула безногого в щёку, улыбнулась Игорю и ушла.

– Ну вот, теперь ты знаешь моё настоящее имя, – вздохнул, проводив ушедшую взглядом, Одиссей.

– Кто это была?

– Не жена, как ты уже понял. И не сестра. И не любовница. Просто ещё одна женщина, для которой я был «ангелом в трубке». Теперь вот она мой ангел-хранитель. Когда может, забегает, стирает, готовит или ещё как-нибудь помогает. Ты, небось, думаешь, что я завёл себе этаким гарем рабынь? Нет. У меня мама есть, она обо мне заботится. Сейчас к соседке ушла, чтобы не смущать моих гостей, сериал какой-нибудь смотрит. Девушки сами хотят что-нибудь сделать для меня, а я не препятствую. Зачем? И им приятно, и мне. И маме помощь.

– Да кто ты такой?!

– Ангел в трубке. А Лену твою я увидел сегодня впервые, как и тебя. Она настояла на встрече, хотела лично пригласить меня на вашу свадьбу. До сегодняшнего дня мы общались только по телефону.

– Я не понимаю...

– Несколько лет назад я тоже собирался жениться. Был молод, красив, здоров, служил в десанте. Но случилась Чечня. И ты видишь, что со мной стало. Невеста исчезла, денег нет, работы нет, будущего нет! Друзья устроили мне путёвку в санаторий. Тот же Кавказ, но другая республика. И вот сижу я как-то на балкончике своего номера и думаю: сейчас кувыркнуться вниз или ночью, когда никто не увидит и не бросится спасать. И вдруг звонок телефона. Незнакомый женский голос. Ошиблись номером.

Две оставшиеся недели, что я прожил в том санатории, этот голос в телефонной трубке удерживал меня на этом свете. И удержал! Каждый вечер она звонила, и мы говорили обо всём, о том, что даже матери не скажешь. Оказывается, незнакомому человеку легче поведать горе, чем близкому. Она звала меня Одиссеем. Это был её любимый герой. Он жил не для себя, преодолел невероятные трудности на пути домой, к своей любви, к своей семье.

В последний вечер мы встретились. Это оказалась женщина из соседнего номера. Мы виделись каждый день, но мне и в голову не приходило, что мой ангел живёт за стенкой. Она дала мне смысл жизни. Я ехал домой и напевал:

*«А у неё такая маленькая грудь
И тело гибкое, как шея гуся.
Уходит Одиссей в далёкий путь,
Но не забудет девушку из Беларуси!»*

Когда я вернулся домой, раздался звонок. Она сказала, что звонит с чужого телефона. Я всё понял: есть человек, которому плохо, и требуется помощь. Так я стал Одиссеем, ангелом в телефонной трубке. Так мы познакомились однажды и с твоей Леной. Ей было очень плохо тогда, и незнакомая женщина попросила у неё телефон, чтобы позвонить. Определитель номера почти всегда срывает...

Хлопнула дверь, и в комнату вбежала Лена с полной сумкой продуктов...

Животное тоже строит дом (нору, берлогу, гнездо) и выращивает детёныша. А некоторые и «сажают деревья» – опыляют цветы, «разносят» семена съеденных плодов и т.п. То бишь, программа-минимум у всех (и у людей, и у зверей) одинакова – размножение, сохранение вида. Все прочие просто вымирают. И те самые требования – родить сына, посадить дерево, построить дом – это просто выполнение самых минимальных условий выживания. Выживания не тебя, любимого, а твоих потомков, твоего вида на этой планете. Если судить по насекомым, то программа успешно работает. Они воют порой за жизненное пространство, но вряд ли один паук хвастает перед другим узором своей паутины, а один муравейник посылает солдат против другого муравейника из-за красоты матки.

Насекомые пережили динозавров, неужели переживут и нас?

– Игорь, давай зайдём в Мемориальный парк.

– Зачем?

– Скоро нам с тобой предстоит возлагать здесь цветы у Вечного огня. Обычай такой – сразу после ЗАГСа молодожёны идут сюда. Ты, ведь, не передумал на мне жениться?

– Конечно, нет!

– Эх ты, Отелло!

– Прости меня, Ленок...

– Да ладно уж! Тебе понравился Одиссей?

– Понравился. Кстати, его зовут Сергей.

– Это для тебя! Для меня он навсегда останется Одиссеем, ангелом в трубке. Он успел рассказать тебе свою историю?

– Да. Вот и парк. Знаешь, мне никогда не нравилась эта скульптура скорбящей матери. Уж больно жалкая она какая-то, похожая на нищенку с дореволюционных картин. То ли дело могучая фигура Родины-Матери на Мамаевом кургане!

– Глупый. Та – Родина, а эта – Скорбь, та – зовёт на бой, а эта – оплакивает павших в том бою.

– Ты, конечно, права. Пойдём к огню.

– Смотри, здесь написано: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». Я вот только сейчас поняла, что не знаю имени той девушки из санатория, спасшей Одиссея. И его настоящее имя не узнала б, если б не твоя ревность. А, может, и у той девушки из санатория тоже был свой «ангел в трубке»? Может, эта цепочка ангелов тянется в глубь веков аж до пещер первобытных племён!

– Фантазёрка ты моя! Телефон и существует-то лет сто всего...

– Это не важно! Телефон – только средство общения, данное

нам прогрессом. Одно из. Но есть, ведь, письма, священники-исповедники, личные психотерапевты и, наконец, подушки, в которые мы, девушки, испокон веков выплакиваем свои беды. Человеку необходимо иногда высказаться-выплакаться. Разве у тебя не было в жизни таких моментов?

– Бог миловал. Пока. Знаешь, Ленек, у Ленгстона Хьюза мне нравится один блюз. В нём есть такие строки:

*«Пришла я к милому и говорю:
Тоскливо мне, пожалей.
А он мне – могла бы придумать
Что-нибудь повеселей!
Эх, если бы мне крылья
Такие, как у орла,
Вот если бы мне крылья
Такие, как у орла, -
Накинулась бы на милого,
Всю бы морду разодрала!»*

– Здорово! Надо послушать, как придём домой.

– Я рад, Ленек, что в твоей жизни появился Одиссей. Мне не хочется ходить с ободранной мордой.

– Ты всё шутишь, Игорёк. К Одиссею я приду с бедой, а не плохим настроением. Так что...

– Не будет у нас никаких бед! Я не допущу. А почему ты продолжаешь звонить Одиссею и теперь. Разве тебе плохо со мной?

– Глупый! Конечно, я счастлива, что в моей жизни появился ты. А Одиссею звоню, чтобы поделиться счастьем. Раньше делилась горем. Представь, каково Одиссею было бы принимать на себя только негатив. Долго бы он выдержал? Я, ведь, наверняка не единственная, кто ему звонит. Надеюсь, моя радость хоть немного его подзаряжает, компенсирует те слёзы, что он разделяет с другими.

– А что у тебя было за горе?

– Не хочу сейчас даже вспоминать. Смотри, Люська! Сидит на лавочке, плачет...

– Не подходи к ней. Мы не сможем ей помочь.

– А что случилось?

– Сашка её бросил.

– Когда? Почему? Они ж два года уже счастливо живут вместе!

– Счастливо? Я тоже так думал до сегодняшнего дня. Утром повёз им приглашение на нашу свадьбу, тут меня Сашка и огоро-

шил. Люська «залетела» и хочет оставить ребёнка, а Сашка категорически против. Поставил ей условие: либо он, либо ребёнок.

– Вот сволочь!

– Ну, почему сразу «сволочь»? Он мне сказал, что они с Люськой сходились с таким условием: жить для себя, ради секса и удовольствий. Никаких обязательств и детей.

– Всё равно, он – скотина! Не знаю, какие там у них изначально были соглашения, а Люська всегда любила Сашку, ещё когда они вместе в школе учились. Не хочу его видеть на нашей свадьбе.

– Так я приглашение и не отдал. Тем более, что Люська уже с ним не живёт: вернулась к родителям.

– И правильно сделала! Вот её надо пригласить обязательно. Пусть хоть немного отвлечётся от своей беды. Пойдём к ней, я хочу пригласить её в «подружки невесты».

– Может, не надо? Сомневаюсь, что ей в её положении станет лучше от вида нашего счастья...

– Ерунда! Я по себе знаю, что Люську нельзя сейчас оставлять одну.

– Привет, Люська! Как хорошо, что мы тебя встретили. У меня к тебе два дела. Во-первых, дай скорее твой телефон – в моём аккумуляторе «сел». Алло, Одиссей, это Лена, я звоню тебе с чужого телефона...

КОСМИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Сказка о старике, старухе и Комете с тремя хвостами

В нашей Вселенной, в одной из галактик, жили-были старик Красно Солнышко со старухой Голубикой. Система у них была такую маленькой, что из соседних галактик они казались одной звёздочкой.

Закинул однажды старик Красно Солнышко в Окиан-космос гравитационные сети, ничего кроме космической пыли не выловил. Ещё раз закинул в Космос он сети, вынесли они лишь несколько мелких метеоритов. В третий раз бросил Красно Солнышко сети. Вынесли сети ему Комету, да не простую, а с тремя разноцветными хвостами. Говорит старику Комета:

– Отпусти меня в Окиан-космос, старче.

– Вот ещё! – заворчала старуха. – Сама видишь, система у нас совсем маленькая: я да старик. Будешь ты нам вместо планеты.

– Отпусти меня, Голубика, – просит Комета. – Будет тебе столько планет, сколько пожелаешь!

Долго ли, коротко ли, живут старик со старухой, десяток планет нянчат. Снова просит их Комета отпустить её на свободу.

– Планеты – это хорошо, – отвечает ей Голубика. – Только кто их, кроме нас со стариком, видит? Да и надоели они: всё время вокруг нас носятся. Хочу я снова молодой и красивой стать, и чтобы все соседние галактики мою красоту увидели! Исполнишь моё желание, отпусти тебя в Космос.

– Будь по-твоему, – говорит Комета. Срезала она у старика кусочек одежды, накрыла им старуху. Сбросила Голубика старое платье и засияла молодым ярким светом, в сто раз ярче, чем прежде.

– Ты теперь не Голубика. Называть тебя отныне будут «Новая», – говорит Комета. – А теперь отпусти меня в Космос.

– Нет, – отвечает Новая. – Что я светила? Всего ничего. Соседи посмотрят и скоро забудут. Хочу я такую власть иметь, чтоб никто из-под моего влияния уйти не мог! И чтоб ты мне всю жизнь служила и называла Сверхновой!

Рассердилась Комета, вырвала у безвольного старика кусок тела, бросила его в ненасытное чрево Новой. Проглотила Новая кусок, и тут же скрючила её неукротимая сила, согнула и стала сжимать! Глянул старик, а вместо Сверхновой рядом с ним Чёрная Дыра! Присосалась и вещество из него тянет. А Комета с тремя разноцветными хвостами пропала, будто её и не было.

Кто на свете всех сильнее

Полюбили два богатыря, Огонь и Гравитон, красавицу Жизнь. Пришли к ней и говорят:

– Выбирай, один из нас будет тебе любящим мужем, другой – верным другом и братом.

– Оба вы мне любы, – отвечает Жизнь. – Пусть судьба решит: кто из вас сильнее, тот и будет мне мужем.

– Я на свете всех сильнее! – закричал богатырь Гравитон. Схватил он пригоршню пыли, сжал, что было силы, потекли из кулака электроны.

Дохнул Огонь, вспыхнул в руке у Гравитона сгусток пыли, жжёт богатырю пальцы. Но не уступает Гравитон, ещё крепче сжимает пылающий сгусток. Надувает щёки Огонь, раздувает пламя. Кряхтит Гравитон, но разжимаются от нестерпимого жара его пальцы, не спасает и гравитационная рукавица. Засмеялся Огонь:

– Я сильнее! Ещё и в треть силы не дую, а у тебя уже пальцы трещат. А ну-ка, дуноу вполсилы.

Дохнул Огонь вполсилы, взорвался в руке у Гравитона огненный сгусток, полетели во все стороны брызги. Но не сдался богатырь, не выпустил остатки из обожжённых пальцев, ещё крепче сжал их.

– погоди, Огонь, – кричит, – одна победа – это ещё не победа. Давай ещё раз судьбу пытаться!

– Хорошо, – согласился Огонь.

Отбросил Гравитон пылающий шарик, зачерпнул новую пригоршню пыли, сжал её, что было силы. Надул щёки Огонь, дохнул сначала вполсилы. Запылал сгусток в руке Гравитона, но только засмеялся богатырь, ещё крепче сжимает пылающий шар.

– Нет, брат Огонь! Прошлый раз зазевался я, ты у меня меж пальцев и проскочил. Попробуй-ка теперь!

Надул щёки богатырь Огонь, того и гляди лопнут. Дует, что есть силы, но только смеётся Гравитон. Зажал пылающий сгусток так, что даже искорки не видно.

– Хорошо, брат Гравитон, – сдался богатырь Огонь. – На этот раз твоя взяла. Давай в третий раз судьбу пытаться. Чья возьмёт, тот и жених!

В третий раз зачерпнул богатырь Гравитон пригоршню пыли, сжал так, что у самого пальцы затрещали. Но и Огонь не спит, раздувает пламя так, что чуть щёки не лопаются. Долго боролись они. Никто уступить не хочет, но и победить не может!

До сих пор странствуют богатыри, силу свою пытаются. Где Огонь победит, там Сверхновая вспыхнет, Белый Карлик засияет. Где Гравитон верх возьмёт – Чёрная Дыра появляется. Ну а где один другого осилить не может – обычные звёзды загораются.

А красавица Жизнь от звезды к звезде за богатырями следом идёт. Знает она, что подрастает уже богатырь Разум, и как войдёт этот малыш в силу, ни Огонь, ни Гравитон победить его не смогут.

Содержание:

<i>Сергей Антипов. К читателю</i>	4
---	---

Рассказы

Авария Сашки Сэкондхэнда	5
Спасти Герострата	21
Рыцарь – Дракон	42
Рука тьмы	49
Ангел в трубке	51

Космические сказки

Сказка о старике, старухе и Комете с тремя хвостами	59
Кто на свете всех сильнее	61

Литературно-художественное издание

Сергей Владимирович Калабухин

СПАСТИ ГЕРОСТРАТА

Рассказы

Редактор:
Член СП России
С.С.Антипов

Художник:
Н.В.Ковалёва

Компьютерная вёрстка:
Д.В.Минаев

ООО Издательский Дом «Серебро Слово»

Телефон: 8(926) 433-33-99

E-mail: serebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 24.07.13

Формат 60х90/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная.

Гарнитура Minion Pro. Тираж 200 экз. Заказ № 1389

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская область, г.Коломна,

ул.III Интернационала, 2а

Тел: 8(496) 618-69-33, 8(496) 618-60-16